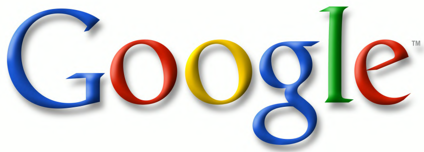
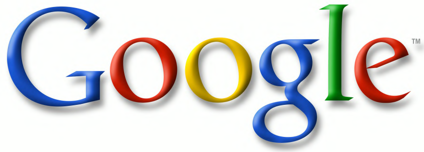

Kornilov, I. P.

КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРЫЙСКІЙ.

И. П. Корнилова.

(Отдѣльный оттискъ изъ журнала *Русское Обозрѣніе*).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

Дозволено цензурой. Москва, марта 13 дня 1896 г.

КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРЫЙСКІЙ.[1]

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По распоряженію графа И. Д. Делянова, предпринято на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія изданіе историческихъ документовъ, хранящихся въ богатѣйшемъ, но, къ сожалѣнію, не довольно извѣстномъ нашимъ ученымъ министерскомъ архивѣ. Это изданіе открываетъ возможность приступить къ обстоятельнымъ изслѣдованіямъ по исторіи просвѣщенія въ Россіи со времени основанія Екатериной Великою въ 1782 году „Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ".

Первый томъ изданія, подъ заглавіемъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи", напечатанъ въ 1893 году. Въ него вошли матеріалы для исторіи просвѣщенія въ западныхъ губерніяхъ, образованныхъ изъ древнихъ русскихъ и литовскихъ областей, присоединенныхъ къ Россіи въ 1772, 1793 и 1795 годахъ.

При раздѣленіи въ 1803 году Россіи на шесть учебныхъ округовъ всѣ эти губерніи вошли въ составъ Виленскаго учебнаго округа, попечителемъ котораго былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій.

Второй томъ изданія появится въ настоящемъ 1896 году и будетъ заключать матеріалы Виленскаго учебнаго округа за первые два года его существованія.

Настоящая статья войдетъ предисловіемъ ко второму тому.

---

[1] Напечатаніемъ интереснѣйшей статьи высокоуважаемаго И. П. Корнилова мы надѣемся доставить просвѣщеннымъ читателямъ нашимъ истинное удовольствіе и немалое удовлетвореніе русскому общественному мнѣнію. Статья эта значительно увеличиваетъ массу документальныхъ историческихъ свидѣтельствъ, неопровержимо доказывающихъ, что западныя окраины наши съ глубокой древности были русскими, и что сама русская печать, за единичными исключеніями, въ прошлыхъ шестидесятыхъ годахъ, поддавшись ловкимъ инсинуаціямъ польской интриги, ошибочно навязывала государственной политикѣ графа М. Н. Муравьева въ должности виленскаго генералъ-губернатора предательски-лживый терминъ *обрусеніе*. Историческій русскій дѣятель такого осмотрительнаго и предусмотрительнаго государственнаго разумѣнія, какимъ безспорно владѣлъ графъ М. Н. Муравьевъ, ставилъ передъ собою не *обрусеніе*, но истинно-

рыхъ онъ самъ избралъ, одушевлялъ и горячо поддерживалъ. Не менѣе необходимо вникнуть въ духъ и направленіе польскаго населенія Западныхъ губерній. Съ этою цѣлью мы представимъ нѣсколько извлеченій изъ любопытной автобіографіи князя Чарторыйскаго, затѣмъ приведемъ выдержки изъ „Записокъ Іосифа, митрополита Литовскаго“, изданныхъ Академіею Наукъ въ 1883 году, и изъ другихъ важнѣйшихъ историческихъ первоисточниковъ.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ о родѣ князей Чарторыйскихъ. [1]

Родоначальникомъ ихъ былъ литовскій князь Кириггелло, умершій въ 1390 году. Его потомки исповѣдывали православную вѣру. Князь Георгій, умершій въ 1620 году, первый измѣнилъ православію и перешелъ въ католичество. Вице-канцлеръ Михаилъ и палатинъ Червонной Руси, Августъ-Александръ, умершій въ 1772 году, были сторонниками Россіи и противниками графовъ Потоцкихъ, стоявшихъ во главѣ враждебной Екатеринѣ II партіи. Отецъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, Адама-Георгія, Адамъ-Казиміръ (умершій въ 1823 году), былъ сначала рѣшительнымъ сторонникомъ Россіи и президентомъ сейма, избравшаго въ короли родственника Чарторыйскихъ, Станислава Августа Понятовскаго. Въ 1775 году Адамъ-Казиміръ былъ членомъ Эдукаціонной коммиссіи, а въ 1782 году удалился въ Галицію. Съ 1784 по 1792 годъ онъ выступаетъ дѣятельнымъ руководителемъ враждебнаго Россіи варшавскаго сейма, провозгласившаго конституцію 3 мая 1791 года, а въ 1812 году является маршаломъ варшавскаго сейма, предавшаго судьбу Польши Наполеону I.

А. Извлеченія изъ автобіографіи князя Адама Чарторыйскаго.

Автобіографія любимца Императора Александра I, князя Адама-Георгія Чарторыйскаго, была напечатана первымъ изданіемъ въ 1865 году, въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: „Alexandre I-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière, avec une introduction par Charles de Mazade“, одинъ томъ in-8°, XXXV и 368 страницъ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года напечатанъ

[1] Свѣдѣнія о родѣ князей Чарторыйскихъ извлечены изъ статьи: „Czartoryski“, помѣщенной въ XIII томѣ „La Grande Encyclopédie. Inventaire raisonné par une société de savants et de gens de lettres, sous la direction de M. M. Berthelot... etc. Paris. H. Lamiraut et c-ie, éditeurs“.

рыхъ онъ самъ избралъ, одушевлялъ и горячо поддерживалъ. Не менѣе необходимо вникнуть въ духъ и направленіе польскаго населенія Западныхъ губерній. Съ этою цѣлью мы представимъ нѣсколько извлеченій изъ любопытной автобіографіи князя Чарторыйскаго, затѣмъ приведемъ выдержки изъ „Записокъ Іосифа, митрополита Литовскаго“, изданныхъ Академіею Наукъ въ 1883 году, и изъ другихъ важнѣйшихъ историческихъ первоисточниковъ.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ о родѣ князей Чарторыйскихъ. [1]

Родоначальникомъ ихъ былъ литовскій князь Киригелло, умершій въ 1390 году. Его потомки исповѣдывали православную вѣру. Князь Георгій, умершій въ 1620 году, первый измѣнилъ православію и перешелъ въ католичество. Вице-канцлеръ Михаилъ и палатинъ Червонной Руси, Августъ-Александръ, умершій въ 1772 году, были сторонниками Россіи и противниками графовъ Потоцкихъ, стоявшихъ во главѣ враждебной Екатеринѣ II партіи. Отецъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, Адама-Георгія, Адамъ-Казиміръ (умершій въ 1823 году), былъ сначала рѣшительнымъ сторонникомъ Россіи и президентомъ сейма, избравшаго въ короли родственника Чарторыйскихъ, Станислава Августа Понятовскаго. Въ 1775 году Адамъ-Казиміръ былъ членомъ Эдукаціонной коммиссіи, а въ 1782 году удалился въ Галицію. Съ 1784 по 1792 годъ онъ выступаетъ дѣятельнымъ руководителемъ враждебнаго Россіи варшавскаго сейма, провозгласившаго конституцію 3 мая 1791 года, а въ 1812 году является маршаломъ варшавскаго сейма, предавшаго судьбу Польши Наполеону I.

А. Извлеченія изъ автобіографіи князя Адама Чарторыйскаго.

Автобіографія любимца Императора Александра I, князя Адама-Георгія Чарторыйскаго, была напечатана первымъ изданіемъ въ 1865 году, въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: „Alexandre I-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière, avec une introduction par Charles de Mazade“, одинъ томъ in-8°, XXXV и 368 страницъ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года напечатанъ

[1] Свѣдѣнія о родѣ князей Чарторыйскихъ извлечены изъ статьи: „Czartoryski“, помѣщенной въ XIII томѣ „La Grande Encyclopédie. Inventaire raisonné par une société de savants et de gens de lettres, sous la direction de M. M. Bertholet... etc. Paris. H. Lamiraut et c-ie, éditeurs“.

русскій переводъ IV-й главы этой книги, подъ заглавіемъ: „Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыйскій“. Мы воспользовались этимъ переводомъ и печатаемъ приводимое ниже изъ него извлеченіе. Въ 1887 году появилось въ Парижѣ, въ двухъ большихъ томахъ in-8°, значительно дополненное второе изданіе этой книги, подъ заглавіемъ: „Mémoires du prince Adam Czartoryski et sa correspondance avec l'Empereur Alexandre I-er. Préface de m. Charles de Mazade, de l'Académie Française“. Въ первомъ томѣ напечатано предисловіе г. де-Мазада и въ высокой степени любопытныя воспоминанія Адама Чарторыйскаго, а во второмъ томѣ помѣщены письма и дипломатическіе документы. Имѣя въ виду представить не жизнеописаніе князя Чарторыйскаго, а лишь возможно обстоятельную нравственную характеристику его и нѣкоторыхъ его современниковъ, мы ограничимся извлеченіемъ и переводомъ изъ перваго тома „Воспоминаній“ только нѣкоторыхъ, особенно характерныхъ и подходящихъ къ нашей цѣли, отрывковъ.

Во второй главѣ своихъ воспоминаній (томъ I, стр. 26—37) князь Чарторыйскій разсказываетъ, что въ 1786 году онъ отправился со своимъ учителемъ исторіи путешествовать по Западной Европѣ и въ томъ же году зимою возвратился домой. Въ 1788 году открылись въ Польшѣ провинціальные сеймики для предварительнаго обсужденія приготовлявшихся государственныхъ преобразованій. 18-ти-лѣтній Адамъ Чарторыйскій былъ избранъ маршаломъ Подольскаго сеймика, а по закрытіи его прибылъ въ Варшаву и принялъ участіе въ великомъ сеймѣ. Въ 1789 году онъ отправился въ Англію и оттуда возвратился на родину въ 1791 году. 3-го мая этого года была провозглашена знаменитая Польская конституція; но въ томъ же году открылась, подъ предсѣдательствомъ графа Браницкаго, Тарговицкая конфедерація, давшая поводъ къ вмѣшательству Екатерины II въ польскія дѣла и ко второму раздѣлу Польши. Въ 1792 году молодой Адамъ Чарторыйскій принималъ участіе въ битвахъ съ русскими войсками и за отличіе въ сраженіи при Полонномъ получилъ награду изъ рукъ короля. Въ 1793 году онъ вторично уѣхалъ въ Англію. Въ 1794 году, узнавъ о возстаніи Костюшки, онъ поспѣшилъ возвратиться домой, но въ Бреславлѣ, по распоряженію австрійскаго правительства, его задержали и не пустили въ Польшу.

Послѣ третьяго раздѣла Польши, имѣнія князя Адама-Казиміра Чарторыйскаго на Волыни и въ Подоліи были, по прика-

занію Екатерины II, конфискованы. Австрійскій императоръ Францъ обратился къ Императрицѣ съ ходатайствомъ о прощеніи Адама-Казиміра и о возвращеніи ему его имѣній; но Государыня потребовала прежде всего, чтобы два его сына, Адамъ и Константинъ, прибыли въ Петербургъ и поступили на русскую службу.

Ниже мы приводимъ выдержки изъ девяти главъ воспоминаній князя Чарторыйскаго (отъ третьей до одиннадцатой включительно).

ИЗЪ ГЛАВЫ III.

Стр. 37: 12-го мая 1795 года братъ мой и я прибыли въ Петербургъ.

Чтобы имѣть понятіе о томъ, съ какими чувствами мы прибыли въ Русскую столицу, надо знать, въ какихъ правилахъ мы были воспитаны. Изученіе исторіи и литературы древнеклассической и Польской наполняло годы нашего отрочества. Мы только и думали о Грекахъ и Римлянахъ и о томъ, какъ бы намъ слѣдовать примѣру нашихъ предковъ и увѣковѣчить въ нашемъ отечествѣ старинныя доблести. Что касается свободныхъ учрежденій и народной свободы, то примѣры изъ новѣйшей исторіи Англіи и Франціи служили къ утвержденію и опредѣленію нашихъ взглядовъ, но ни мало не ослабляли нашей восторженности. Любовь къ отечеству, къ его величію и славѣ, къ его свободнымъ учрежденіямъ, была вкоренена въ насъ учебными занятіями и всѣмъ, чтó мы видѣли и слышали, и чтò насъ окружало. Замѣтимъ также, что національное чувство, наполнявшее все наше нравственное существо, было соединено съ неистребимымъ отвращеніемъ ко всѣмъ тѣмъ людямъ, которые содѣйствовали гибели страстно любимаго нами отечества. Это двойственное чувство любви и ненависти такъ господствовало во мнѣ, что въ Польшѣ, или гдѣ бы то ни было, я не могъ равнодушно видѣть Русскаго безъ того, чтобы кровь не бросалась въ голову, и чтобы я не блѣднѣлъ или не краснѣлъ, такъ какъ всякій Русскій казался мнѣ виновникомъ бѣдствій моей родины.

Надо было намъ ѣхать въ Петербургъ. Отецъ, въ высшей степени добрый и деликатный, не рѣшался требовать отъ насъ этой жертвы. Но именно его необыкновенная доброта повліяла на насъ сильнѣе всякихъ требованій. Съ гибелью отечества соединялась утрата всего нашего состоянія: могли ли мы оставить родителей въ крайности и въ невозможности уплатить долги своимъ кре

дторамъ? Мы рѣшились принести жертву. Дѣйствительно, ѣхать въ Петербургъ, удалиться отъ кровныхъ, сердечныхъ связей, сдѣлаться добровольными плѣнниками самыхъ ненавистныхъ нашихъ враговъ, палачей нашего народа,—это была величайшая жертва, какую мы рѣшились принести для нашихъ родителей. Надо было намъ преодолѣть свои чувства и убѣжденія, пойти наперекоръ своимъ желаніямъ и проститься со всѣми своими любимыми мечтами.

Стр. 39: Со страстною пылкостью молодаго человѣка, поэта, я изложилъ состояніе моей души въ стихахъ подъ заглавіемъ: „Пѣснь барда", написанныхъ мною въ Гроднѣ. Я отправилъ ихъ къ моему другу Князнину [1]; въ продолженіе многихъ лѣтъ они со слезами читались и перечитывались въ моемъ семействѣ.

Въ декабрѣ 1794 г. мы простились съ родителями, проживавшими тогда въ Вѣнѣ, и отправились въ путь... Въ январѣ 1795 года мы прибыли въ Гродну и явились къ королю Станиславу Августу... Мы часто его навѣщали, были свидѣтелями его печали и слышали упреки, которые онъ дѣлалъ самому себѣ за то, что не умѣлъ ни спасти своего отечества, не умереть, сражаясь за него.

Чувства, которыми мы были въ то время исполнены, навсегда сохранились въ глубинѣ души; но, разумѣется, внѣшнее выраженіе ихъ измѣнялось подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Юношескій пылъ, съ которымъ мы приняли великую жертву, давалъ намъ силу мужественно переносить истинно возмутительное положеніе наше. Но чего не могутъ перенести молодыя силы! Онѣ могутъ одолѣть всякія несчастія и испытанія. Новая жизнь, новыя, непривычныя, тяжкія и горестныя впечатлѣнія, не измѣняя ничего въ душѣ, по крайней мѣрѣ занимали и развлекали насъ.

Мы встрѣтили въ Петербургѣ весьма внимательный и благосклонный пріемъ... Насъ всюду сопровождалъ г. Яковъ Горскій, дружескому попеченію и совѣтамъ котораго ввѣрилъ насъ отецъ.

Стр. 41: Трудно было найти лучшаго для насъ ментора... Онъ умѣлъ руководить молодыми людьми безъ строгости и удерживать насъ отъ ошибокъ, неосторожностей и увлеченій. . . . . .
Онъ убѣждалъ насъ, чтобы мы пользовались добрымъ къ намъ расположеніемъ и поддерживали сношенія съ людьми, которые

---

[1] Franciszek Dyjonizy Kniaznin, польскій поэтъ и горячій польскій патріотъ, родился въ Витебскѣ въ 1750 г., умеръ въ 1807 г., (см. „Encyclopedyja Powszechna", томъ XIV, Варшава, 1863, стран. 918),

могли содѣйствовать возвращенію намъ нашего состоянія. . . . . . Не смотря на то, что въ глубинѣ души онъ не уважалъ людей, съ которыми поддерживалъ знакомство, онъ умѣлъ располагать ихъ въ свою пользу, что̀ ему самому казалось страннымъ и смѣшнымъ. Онъ никогда не терялъ изъ виду цѣли нашего путешествія и пользовался всякимъ случаемъ для достиженія успѣха. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы мы дѣлали визиты и прибѣгали къ пріемамъ, возбуждавшимъ въ насъ отвращеніе. Словомъ, мы много обязаны ему нашими успѣхами....

Стр. 42—43: Эта эпоха нашей жизни была для насъ въ высшей степени важная и рѣшительная. Попавъ въ среду людей, во всѣхъ отношеніяхъ намъ чуждыхъ, мы думали, что всѣ наши юношескіе планы навсегда уничтожены и что насъ ожидаетъ безотрадная будущность, не соотвѣтствующая нашимъ желаніямъ и убѣжденіямъ. Страданія моей родины и моей семьи, торжество неправды, грубой силы и преступленій глубоко меня возмущали. Я сталъ сомнѣваться въ благости Провидѣнія. Вездѣ видѣлъ я противорѣчія, слѣпой случай; мнѣ казалось, что въ мірѣ нѣтъ ничего, заслуживающаго серіознаго вниманія; мною овладѣло полное невѣріе и ледяное равнодушіе ко всему. Впослѣдствіи мнѣ также случалось неоднократно впадать въ порывы отчаянія. Къ счастію, въ тяжкія минуты, когда я во всемъ сомнѣвался и все презиралъ, внутренній голосъ указывалъ мнѣ на добродѣтели и милосердіе, какъ на такія благотворныя силы, въ существованіи которыхъ нельзя сомнѣваться... Къ моему величайшему счастію, самыя раннія дѣтскія проявленія религіозныхъ вѣрованій, хотя утратившія прежнюю силу, еще сохранялись въ моей душѣ.

Стр. 44: Мало-по-малу мы убѣдились, что эти Русскіе, которыхъ мы инстинктивно ненавидѣли и признавали безъ различія существами злыми и кровожадными, отъ которыхъ мы отстранялись, и самая встрѣча съ которыми возбуждала отвращеніе,— такіе же люди, какъ и мы... и что можно иногда питать къ нимъ дружбу и признательность.

Стр. 47: Екатерина II, непосредственная виновница гибели Польши, одно имя которой возбуждало въ насъ отвращеніе и ужасъ, проклинаемая каждымъ Полякомъ... съумѣла въ своемъ государствѣ, особенно въ своей столицѣ, пріобрѣсть благоговѣніе и даже любовь своихъ рабовъ и подданныхъ... Нѣтъ сомнѣнія, что при ней имперія Московская пріобрѣла уваженіе иностранныхъ государствъ, и что внутренняго благоустройства было при ней

одного маршала Потоцкаго; но наши сердца сильно бились, когда мы смотрѣли въ окна, въ надеждѣ увидѣть, хотя вскользь, людей, страдавшихъ въ жестокомъ и несправедливомъ заключеніи за ихъ великіе подвиги, и имена которыхъ особенно дороги всякому доброму Поляку.

Вечеромъ, по возвращеніи домой, мы сообщали другъ другу впечатлѣнія о проведенномъ днѣ. Почтенный Горскій не щадилъ насмѣшекъ надъ людьми, которымъ онъ въ присутствіи другихъ почтительно кланялся. Кромѣ нѣкоторыхъ дѣйствительно почтенныхъ людей, онъ по-своему обдѣлывалъ остальныхъ. Стоило назвать кого-нибудь, онъ тотчасъ замѣчалъ: „Да, да, это негодяй, мошенникъ“.... Особенно доставалось отъ него Полякамъ, какъ-нибудь себя опозорившимъ. Къ несчастію, ежедневно являлись такіе господа, которые разсчитывали равнодушіемъ къ своему отечеству и измѣной пріобрѣтать милости министровъ и двора. Подъ предлогомъ, будто ихъ заслуги не были достаточно вознаграждаемы, они подличали и заискивали.

Стр. 65—68: Печальная, неотступная необходимость скрывать наши истинныя чувства и наши страданія и утаивать наши мысли, невозможность говорить и дѣйствовать искренно и открыто,—все это насъ до крайности угнетало и дурно вліяло на мой характеръ и на мою духовную природу. Это насиліе надъ своею искренностью сдѣлало меня мрачнымъ, до крайности необщительнымъ, сосредоточеннымъ и откровеннымъ только съ самимъ собою. Можетъ быть, и по природѣ своей я былъ склоненъ къ этимъ недостаткамъ, но благопріятныя условія жизни вѣроятно бы ихъ ослабили, а можетъ быть и совсѣмъ бы ихъ уничтожили; но обстоятельства, въ которыхъ мы находились, только усиливали зло. Я сдѣлался слишкомъ осторожнымъ, слишкомъ осмотрительнымъ и постоянно думалъ о томъ, какъ бы не проронить ни одного слова, не взвѣсивъ его. Во всю мою жизнь я не могъ освободиться отъ такого пріобрѣтеннаго въ молодые годы, подъ вліяніемъ роковыхъ обстоятельствъ, настроенія моего ума.

. . . . Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, мы получили извѣстіе, что будемъ представлены Екатеринѣ въ ея лѣтней резиденціи, въ Царскомъ Селѣ. . . . . Въ ожиданіи представленія, мы отправились къ графу Браницкому. Онъ женатъ на одной изъ племянницъ Потемкина и оказалъ великія услуги Екатеринѣ въ Польшѣ, а потому пользовался постояннымъ благоволеніемъ Императрицы и имѣлъ

одного маршала Потоцкаго; но наши сердца сильно бились, когда мы смотрѣли въ окна, въ надеждѣ увидѣть, хотя вскользь, людей, страдавшихъ въ жестокомъ и несправедливомъ заключеніи за ихъ великіе подвиги, и имена которыхъ особенно дороги всякому доброму Поляку.

Вечеромъ, по возвращеніи домой, мы сообщали другъ другу впечатлѣнія о проведенномъ днѣ. Почтенный Горскій не щадилъ насмѣшекъ надъ людьми, которымъ онъ въ присутствіи другихъ почтительно кланялся. Кромѣ нѣкоторыхъ дѣйствительно почтенныхъ людей, онъ по-своему обдѣлывалъ остальныхъ. Стоило назвать кого-нибудь, онъ тотчасъ замѣчалъ: „Да, да, это негодяй, мошенникъ“.... Особенно доставалось отъ него Полякамъ, какъ-нибудь себя опозорившимъ. Къ несчастію, ежедневно являлись такіе господа, которые разсчитывали равнодушіемъ къ своему отечеству и измѣной пріобрѣтать милости министровъ и двора. Подъ предлогомъ, будто ихъ заслуги не были достаточно вознаграждаемы, они подличали и заискивали.

Стр. 65—68: Печальная, неотступная необходимость скрывать наши истинныя чувства и наши страданія и утаивать наши мысли, невозможность говорить и дѣйствовать искренно и открыто,—все это насъ до крайности угнетало и дурно вліяло на мой характеръ и на мою духовную природу. Это насиліе надъ своею искренностью сдѣлало меня мрачнымъ, до крайности необщительнымъ, сосредоточеннымъ и откровеннымъ только съ самимъ собою. Можетъ быть, я по природѣ своей я былъ склоненъ къ этимъ недостаткамъ, но благопріятныя условія жизни вѣроятно бы ихъ ослабили, а можетъ быть и совсѣмъ бы ихъ уничтожили; но обстоятельства, въ которыхъ мы находились, только усиливали зло. Я сдѣлался слишкомъ осторожнымъ, слишкомъ осмотрительнымъ и постоянно думалъ о томъ, какъ бы не проронить ни одного слова, не взвѣсивъ его. Во всю мою жизнь я не могъ освободиться отъ такого пріобрѣтеннаго въ молодые годы, подъ вліяніемъ роковыхъ обстоятельствъ, настроенія моего ума.

. . . . Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, мы получили извѣстіе, что будемъ представлены Екатеринѣ въ ея лѣтней резиденціи, въ Царскомъ Селѣ. . . . . Въ ожиданіи представленія, мы отправились къ графу Браницкому. Онъ женатъ на одной изъ племянницъ Потемкина и оказалъ великія услуги Екатеринѣ въ Польшѣ, а потому пользовался постояннымъ благоволеніемъ Императрицы и имѣлъ

глядѣть, потому что надо было опуститься на одно колѣно и поцѣловать ея руку въ то время, какъ произносили наши имена и фамилію. Вслѣдъ за тѣмъ, вмѣстѣ съ толпою придворныхъ и дамъ, всѣ представлявшіеся окружили Императрицу, и она стала обходить насъ, обращаясь къ каждому со словомъ привѣта... Въ ея движеніяхъ не было ничего рѣзкаго, все въ ней отличалось достоинствомъ и величіемъ, но это былъ потокъ, все за собою увлекавшій. Ея морщинистое, но чрезвычайно выразительное лицо дышало надменностью и повелительностью. Съ ея губъ не сходила улыбка, но ея приближенные знали, что подъ видимымъ спокойствіемъ въ ней таились неукротимыя страсти и непреклонная воля.

Подойдя къ намъ и остановивъ на насъ столь прославленный милостивый свой взглядъ, она сказала намъ: „Вашъ возрастъ напоминаетъ мнѣ возрастъ вашего отца, когда я его въ первый разъ увидѣла. Надѣюсь, вамъ будетъ у насъ хорошо“.

Довольно было этихъ словъ, чтобы насъ окружила толпа придворныхъ, расточая намъ самыя изысканныя ласки и вниманіе. Насъ пригласили къ устроенному подъ колоннадою столу: это былъ особенный почетъ, такъ какъ Императрица приглашала къ этому столу самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ.

Пріемъ, оказанный намъ въ Петербургѣ, и особенное вниманіе къ намъ Императрицы, несмотря на нашу молодость и положеніе, слѣдуетъ приписать издавна утвердившемуся въ Россіи понятію о Польшѣ и высокому мнѣнію, которое имѣли тогда Русскіе о нашихъ магнатахъ. Наша фамилія,—которая въ послѣднемъ столѣтіи, къ несчастію, принуждена была поддерживать частыя сношенія съ Россіею,—была въ особенности хорошо ей извѣстна. Мой дѣдъ и отецъ были очень уважаемы Русскими[1]...

Стр. 70. Мы были въ тотъ же день представлены великимъ князьямъ. Павелъ принялъ насъ холодно, но хорошо; его жена великая княгиня Марія, желавшая помирить своего брата съ нашею сестрою, была особенно къ намъ внимательна. Что касается молодыхъ великихъ князей, то ихъ пріемъ былъ самый искренній и радушный.

---

[1] Замѣтимъ, что столь естественное сострадательное вниманіе Императрицы къ семейству политическаго эмигранта, заискивавшаго ея милости, и участіе къ нему высшаго Петербургскаго общества кн. Адамъ Чарторыйскій приписываетъ высокому мнѣнію, которое будто-бы Екатерина II и Русскіе имѣли о Польшѣ и о тогдашнихъ продажныхъ и низкопоклонныхъ Польскихъ вельможахъ. Такое самомнѣніе есть характерная черта не одного только князя Адама Чарторыйскаго, но и всей Польской шляхты.

глядѣть, потому что надо было опуститься на одно колѣно и поцѣловать ея руку въ то время, какъ произносили наши имена и фамилію. Вслѣдъ за тѣмъ, вмѣстѣ съ толпою придворныхъ и дамъ, всѣ представлявшіеся окружили Императрицу, и она стала обходить насъ, обращаясь къ каждому со словомъ привѣта... Въ ея движеніяхъ не было ничего рѣзкаго, все въ ней отличалось достоинствомъ и величіемъ, но это былъ потокъ, все за собою увлекавшій. Ея морщинистое, но чрезвычайно выразительное лицо дышало надменностью и повелительностью. Съ ея губъ не сходила улыбка, но ея приближенные знали, что подъ видимымъ спокойствіемъ въ ней таились неукротимыя страсти и непреклонная воля.

Подойдя къ намъ и остановивъ на насъ столь прославленный милостивый свой взглядъ, она сказала намъ: „Вашъ возрастъ напоминаетъ мнѣ возрастъ вашего отца, когда я его въ первый разъ увидѣла. Надѣюсь, вамъ будетъ у насъ хорошо“.

Довольно было этихъ словъ, чтобы насъ окружила толпа придворныхъ, расточая намъ самыя изысканныя ласки и вниманіе. Насъ пригласили къ устроенному подъ колоннадою столу: это былъ особенный почетъ, такъ какъ Императрица приглашала къ этому столу самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ.

Пріемъ, оказанный намъ въ Петербургѣ, и особенное вниманіе къ намъ Императрицы, несмотря на нашу молодость и положеніе, слѣдуетъ приписать издавна утвердившемуся въ Россіи понятію о Польшѣ и высокому мнѣнію, которое имѣли тогда Русскіе о нашихъ магнатахъ. Наша фамилія,—которая въ послѣднемъ столѣтіи, къ несчастію, принуждена была поддерживать частыя сношенія съ Россіею,—была въ особенности хорошо ей извѣстна. Мой дѣдъ и отецъ были очень уважаемы Русскими [1]...

Стр. 70. Мы были въ тотъ же день представлены великимъ князьямъ. Павелъ принялъ насъ холодно, но хорошо; его жена великая княгиня Марія, желавшая помирить своего брата съ нашею сестрою, была особенно къ намъ внимательна. Что касается молодыхъ великихъ князей, то ихъ пріемъ былъ самый искренній и радушный.

---

[1] Замѣтимъ, что столь естественное сострадательное вниманіе Императрицы къ семейству политическаго эмигранта, заискивавшаго ея милости, и участіе къ нему высшаго Петербургскаго общества кн. Адамъ Чарторыйскій приписываетъ высокому мнѣнію, которое будто-бы Екатерина II и Русскіе имѣли о Польшѣ и о тогдашнихъ продажныхъ и низкопоклонныхъ Польскихъ вельможахъ. Такое самомнѣніе есть характерная черта не одного только князя Адама Чарторыйскаго, но и всей Польской шляхты.

Стр. 75. Для того, чтобы родовое имущество было возвращено нашимъ родителямъ, мы принуждены были поступить на Русскую службу. Это было „sine qua non", вѣнецъ всѣхъ нашихъ жертвъ, необходимое послѣдствіе нашей поѣздки въ Петербургъ... Мы были уже приготовлены къ ожидавшему насъ удару; тѣмъ не менѣе, сердце болѣзненно сжалось, когда намъ сдѣлали это предложеніе. Отказываться было невозможно. Насъ вовсе не интересовало, какая именно жертва отъ насъ потребуется: быть-ли намъ въ военной или въ гражданской службѣ, и въ какихъ чинахъ. Мы находили недостойнымъ вступать въ объясненія и обнаруживать малѣйшую заботу о полученіи того или другаго возможно выгоднаго служебнаго положенія. Одна мысль объ этомъ насъ возмущала; заниматься сю—значило бы придавать ей какое-либо значеніе и цѣну, а мы ставили это ни во что... Какъ покорныя жертвы, склонивъ головы, мы готовы были принять какое-угодно предложеніе, не справляясь, что̀ насъ ожидаетъ. Представьте себѣ путешественника, который случайно попалъ въ Японію, на островъ Борнео или Яву, или куда-нибудь въ центральную Африку. Что ему за дѣло до формъ, отличій и почестей, употребляемыхъ въ этихъ варварскихъ странахъ? Совершенно таково было тогда и наше положеніе. И мы также, заброшенные, по несчастію, въ чужую среду, видя всюду насиліе и принужденіе, исполненные отвращенія и отчаянія, признавали недостойнымъ заявлять какія бы то ни было свои желанія; объ этомъ не стоило и говорить.

Стр. 76. Наконецъ, появился столь долго ожидаемый указъ по поводу всѣхъ конфискованныхъ правительствомъ имѣній. Екатерина раздала множество имѣній своимъ любимцамъ, сановникамъ, генераламъ, губернаторамъ, даже разнымъ второстепеннымъ служащимъ и нѣсколькимъ Полякамъ, измѣнившимъ отечеству. Имѣній, конфискованныхъ у нашихъ родителей, она не возвратила имъ, но, наперекоръ всякому праву, даже вовсе о нихъ не упоминая, подарила мнѣ и моему брату ихъ имѣнія, состоявшія изъ 42.000 душъ. Величина имѣній опредѣляется у Русскихъ количествомъ душъ одного только мужескаго пола. Принадлежавшія нашему отцу старо̀ства Лятычевское и Каменецкое были подарены графу Мо̀ркову. Въ указѣ ничего не было сказано и о нашихъ сестрахъ. Впрочемъ, этотъ самовольный и беззаконный указъ всегда признавался членами нашей семьи какъ-бы несуществующимъ и никогда не имѣлъ никакого вліянія на судьбу нашихъ сестеръ, а тѣмъ болѣе на положеніе на-

шихъ родителей[1]. Въ сущности, это было полное возстановленіе правъ (restitution). Намъ понадобилось только отправить къ нашему отцу формальную довѣренность на владѣніе и распоряженіе имѣніями по его усмотрѣнію.

Стр. 77. Мы отправились благодарить Екатерину и стали передъ нею, согласно церемоніалу, на одно колѣно. Вскорѣ за тѣмъ меня одѣли въ мундиръ конной гвардіи, а брата въ гвардейскій мундиръ Измайловскаго полка.

...... Мы достигли своей цѣли; но намъ нельзя было тотчасъ прервать нашихъ визитовъ къ фавориту. Горскій слишкомъ хорошо зналъ свѣтскіе обычаи и не позволялъ намъ ихъ нарушать.

Стр. 79. Къ новому (1796) году мы были назначены камеръюнкерами...

Стр. 86—87. Богослуженіе Греческой церкви, по внѣшности, торжественнѣе нашего и напоминаетъ языческій культъ. Смотря на епископовъ и поповъ и на ихъ бороды, невольно вспоминаешь древнихъ языческихъ жрецовъ. Въ этомъ богослуженіи все направлено къ внѣшней торжественной обстановкѣ, поражающей зрителя. Внутреннее, молитвенное настроеніе, стремленіе души къ ея Создателю, требующія спокойствія и сосредоточенности, здѣсь невозможны. Проповѣдничества здѣсь нѣтъ; ни во дворцѣ, ни въ другомъ мѣстѣ я никогда не слышалъ ни одной хорошей проповѣди. Онѣ произносятся только при большихъ торжествахъ. Церковные ораторы, по заведенному обычаю и по обязанности, заимствуютъ слогъ и выраженія изъ древнихъ церковно-Славянскихъ книгъ; это придаетъ ихъ краснорѣчію напыщенность, но лишаетъ его увлекательности и живости. Затѣмъ, пѣніе и церемоніалъ наполняютъ все богослуженіе, въ ущербъ назиданію. Это просто театральное зрѣлище, цѣликомъ взятое изъ язычества. Эти чаши, носимыя на головахъ; эти царскія врата, то открываемыя, то закрываемыя; эти поклоненія предъ иконами; эти украшенія; эти кадила въ безпрестанномъ движеніи,— все это напоминаетъ жертвоприношенія въ языческихъ храмахъ. Напрасно будете тамъ искать протестантской простоты и наставительности, или католической набожности и молитвеннаго

---

[1] Едва-ли Императрица, осыпая милостями сыновей своего врага и принимая отъ нихъ выраженія глубокой признательности, могла подозрѣвать что эти молодые люди, смиренно стоявшіе передъ нею на колѣнахъ и умиленно лобзавшіе ея руку, ее обманывали и въ глубинѣ души ненавидѣли свою благодѣтельницу.

настроенія. Вся разгадка въ томъ, что послѣднія суть продуктъ цивилизаціи, между тѣмъ какъ Греческій культъ носитъ печать Азіатскаго варварства.

Самая ихъ набожность имѣетъ въ себѣ что-то странное. Такъ напримѣръ, молодые или старики, свѣтскіе люди или бородачи,—всѣ безъ изъятія говѣютъ. У насъ часто случается, что мы или не желаемъ или не осмѣливаемся приступать къ Святому Причастію, хотя въ насъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Русскихъ, вѣры и набожности. Къ нежеланію нашему, можетъ быть, и предосудительному, присоединяется религіозный страхъ, который иногда и служитъ причиной нашего уклоненія. У Русскихъ, напротивъ того, всѣ обряды и таинства исполняются безъ всякаго сердечнаго умиленія, а единственно только для исполненія обычая, и затѣмъ обыкновенно они же осмѣиваютъ пѣніе и произносимыя попами молитвы. Исповѣдь похожа на нашу. Но у нихъ священникъ читаетъ кающемуся или кающимся (которыхъ бываетъ разомъ нѣсколько) перечень грѣховъ, какъ-бы для того, чтобъ они указали, въ чемъ они согрѣшили; но кающійся обыкновенно или молчитъ, или, признавая себя согрѣшившимъ, довольствуется внутреннимъ сознаніемъ предъ Богомъ своего грѣха, и затѣмъ, пробормотавши нѣсколько длинныхъ молитвъ и почти безъ вниманія, приступаетъ къ Святой Чашѣ [1].

---

[1] Мы привели здѣсь кощунственную выходку князя Чарторыйскаго противъ православнаго богослуженія и благочестія Русскаго народа, извѣстнаго своею набожностью,—какъ примѣръ, показывающій, до какой степени даже самый просвѣщенный Полякъ-католикъ, ослѣпленный враждою къ Россіи, способенъ извращать истину и оскорблять священнѣйшія чувства. Князь Чарторыйскій находитъ, что у Поляковъ-католиковъ гораздо болѣе вѣры и набожности, чѣмъ у православныхъ Русскихъ. Замѣтимъ однако, что Поляки нерѣдко пользовались своими костелами и богослуженіемъ для политической пропаганды. Современные Поляки гордятся тѣмъ, что въ 1794 году въ Варшавѣ ихъ отцы и дѣды посвятили ночь на праздникъ Воскресенія Христова не молитвамъ въ храмахъ Божіихъ, но избіенію на улицахъ и въ домахъ сонныхъ и безоружныхъ Русскихъ солдатъ. Такихъ случаевъ еще никогда не бывало въ исторіи Русскаго православнаго народа.

Не удивительно, что Полякъ и ультрамонтанъ, политическій врагъ Екатерины II и Россіи и ненавистникъ православія, князь Чарторыйскій, по обязанности Русскаго придворнаго, присутствуя при православныхъ богослуженіяхъ, совершаемыхъ на чуждомъ ему древне-Славянскомъ языкѣ, могъ только осуждать и злобствовать въ душѣ своей, но не молиться. Конечно, онъ не въ состояніи былъ оцѣнить святости, величія и апостольской древности православнаго богослуженія и установленныхъ для него въ первые вѣка христіанства обрядовъ и молитвъ.

Крайне прискорбно, что ненависть къ политическимъ противникамъ и католическій фанатизмъ могли довести даже образованнаго и высоко въ обществѣ поставленнаго человѣка до грубаго и невѣжественнаго глумленія надъ древнѣйшими христіанскими установленіями.

ИЗЪ ГЛАВЫ IV.

1796 годъ.

Предъ вскрытіемъ Ладожскаго озера и проходомъ его льдинъ по Невѣ, производящимъ въ Петербургѣ рѣзкій холодъ, ... въ этой столицѣ выдаются ясные, солнечные дни ..... и тогда набережныя переполнены гуляющими .... Великій князь Александръ гулялъ по набережнымъ, иногда одинъ, иногда съ великою княгинею .. ... Мы съ братомъ также были въ числѣ гуляющихъ, и каждый разъ, какъ великій князь встрѣчалъ одного изъ насъ, онъ останавливался, вступалъ съ нами въ разговоры и оказывалъ намъ особое благоволеніе. Эти утреннія встрѣчи нѣкоторымъ образомъ служили продолженіемъ придворныхъ вечеровъ, и наши сношенія съ великимъ княземъ съ каждымъ днемъ принимали характеръ болѣе близкаго знакомства. Дворъ по обыкновенію переѣзжалъ весной въ Таврическій дворецъ. ..... . Великій князь еще не прекращалъ своихъ прогулокъ по набережной. Однажды, встрѣтясь со мною, онъ выразилъ сожалѣніе, что мы рѣдко видимся, и пригласилъ меня посѣтить его въ Таврическомъ дворцѣ ..... Онъ назначилъ мнѣ день и часъ...... Въ назначенный день я не преминулъ явиться въ Таврическій дворецъ. Жалѣю, что не записалъ числа: этотъ день имѣлъ рѣшительное вліяніе на значительную часть моей жизни и на судьбы моего отечества. Съ этого дня и съ разговора, который я тотчасъ изложу, ведется моя преданность великому князю, могу сказать наша дружба ....

Какъ только я вошелъ, великій князь взялъ меня за руку и предложилъ мнѣ пойти въ садъ. ..... Мы исходили садъ во всѣхъ направленіяхъ во время трехъ-часоваго неумолкаемаго и оживленнаго разговора.

Великій князь сказалъ мнѣ, что наше поведеніе (моего брата и мое), наша покорность судьбѣ, столь для насъ тягостной, спокойствіе и равнодушіе, съ коимъ мы все приняли, не придавая цѣны ничему и не отвергая милостей, для насъ стѣснительныхъ, внушили ему къ намъ уваженіе и довѣріе; что онъ сочувствуетъ нашимъ побужденіямъ, что онъ угадываетъ ихъ и одобряетъ; что онъ ощутилъ потребность ознакомить насъ съ истиннымъ своимъ образомъ мыслей; что онъ не можетъ помириться съ мыслью, чтобы мы имѣли о немъ понятіе, не со-

разлука съ семьей, служебное положеніе, вовсе для меня не подходящее и отвлекавшее меня отъ моей цѣли,—все это довело меня до летаргіи .... Самыя неожиданныя и важныя событія не въ состояніи были исторгнуть меня изъ полнѣйшей апатіи. Дѣло въ томъ, что во всю мою жизнь единственная сила, управлявшая моими дѣйствіями, была любовь къ отечеству. Все то, что не могло принести пользы ни моей странѣ, ни моимъ соотечественникамъ, не имѣло для меня ровно никакой цѣны. Съ дѣтскихъ лѣтъ я привыкъ любить и цѣнить только то, что имѣло прямое или косвенное отношеніе къ родинѣ. Даже самыя пустыя вещи, если онѣ касались Польши, возбуждали во мнѣ живое сочувствіе. Въ Варшавѣ былъ, напримѣръ, очень недурной французскій театръ: онъ казался мнѣ скучнымъ; напротивъ того, польскій театръ, хотя и весьма плохой, живо меня интересовалъ.

Стр. 211: Добрыя отношенія Императора Павла къ Австріи стали ухудшаться...... Бонапартъ этимъ воспользовался и поспѣшилъ всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ отправить къ Павлу, снабдивъ ихъ новою одеждой и подарками. Такая любезность перваго консула расположила къ нему Императора...... Генералъ Левашовъ былъ отправленъ въ Неаполь въ качествѣ посредника между Франціей и королевствомъ обѣихъ Сицилій. Проѣзжая черезъ Римъ, онъ мнѣ передалъ письмо графа Ростопчина; вскорѣ я получилъ отъ него второе письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что Императоръ, недовольный сардинскимъ дворомъ, выразилъ желаніе, чтобъ я уѣхалъ подъ предлогомъ, будто желаю посѣтить Неаполь. *Стр. 212:* Это меня крайне обрадовало, и я поспѣшилъ отправиться въ Неаполь...

Стр. 216: Вдругъ, подобно громовому удару, насъ поразила вѣсть о кончинѣ Павла ...... Курьеръ, привезшій это извѣстіе въ посольство, былъ точно глухонѣмой ...... Онъ подалъ мнѣ отъ новаго Императора Александра записку, въ которой послѣдній выражалъ желаніе, чтобъ я немедленно возвратился.

ИЗЪ ГЛАВЫ VIII.

1800 годъ.

Стр. 222: На возвратномъ пути, недалеко отъ Риги, меня встрѣтилъ фельдъегерь и передалъ дружескую записку Императора и подорожную для скорѣйшаго проѣзда. *Стр. 223:* Наконецъ я увидѣлся съ Александромъ, и первое впечатлѣніе под-

и хотѣлъ бы видѣть ее счастливою! . . . . . Въ словахъ и въ поведеніи этого царственнаго юноши было столько искренности, чистоты, столько рѣшительности, повидимому, несокрушимой, столько самозабвенія и великодушія, что онъ показался мнѣ существомъ, избраннымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины. Я возъимѣлъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, внушенное имъ мнѣ въ эту первую минуту, пережило даже постепенное разрушеніе возбужденныхъ имъ надеждъ; позже оно устояло противъ всѣхъ ударовъ, нанесенныхъ ему самимъ Александромъ, и никогда не погасало, не смотря на всѣ печальныя разочарованія, которыя могли бы его разрушить...

. . . . . Черезъ сорокъ лѣтъ, оглядываясь на событія, совершившіяся послѣ этого разговора, слишкомъ ясно видишь, сколь мало они соотвѣтствовали надеждамъ, которыя были имъ въ насъ вызваны. Это потому, что тогда либеральныя идеи являлись для насъ въ сіяніи, которое съ тѣхъ поръ поблекло, и попытки ихъ приложенія къ дѣлу повели къ жестокимъ разочарованіямъ, слишкомъ часто повторявшимся. . . . .

Представьте себѣ наши Польскія чувства, наши желанія, нашу неопытность, нашу вѣру въ конечный успѣхъ правды и свободы, и вы легко поймете, что въ то время мы съ восторгомъ предавались самымъ заманчивымъ мечтамъ.

Послѣ этого знаменательнаго разговора, мы въ теченіе нѣсколькихъ дней не находили случая къ бесѣдамъ съ великимъ княземъ; но при всякой встрѣчѣ мы обмѣнивались дружескими словами, многозначительными взглядами...

Великій князь сперва пригласилъ насъ пріѣзжать почаще въ Царское Село, потомъ и жить въ немъ, для того, говорилъ онъ, чтобы мы имѣли случай проводить болѣе времени вмѣстѣ. Онъ любилъ наше общество и искалъ его, ибо только съ нами могъ онъ говорить откровенно и высказывать всѣ свои мысли. . . . . Мы часто ѣзжали въ Царское Село и вскорѣ поселились въ немъ почти на все лѣто.

Наши сношенія съ великимъ княземъ были въ высшей степени завлекательны. Это было своего рода франъ-масонство, коему не оставалась чуждою и великая княгиня. Близость, возникшая при такихъ условіяхъ и причина коей была намъ столь дорога, вела къ разговорамъ, которые мы прерывали лишь нехотя, обѣщая другъ другу возобновлять ихъ. Политическія мнѣнія, которыя нынѣ показались бы избитыми общими мѣстами,

были тогда животрепещущими новостями; и тайна, которую мы должны были соблюдать, мысль, что это происходить передъ глазами двора, погрязшаго въ предразсудкахъ абсолютизма, на зло всѣмъ этимъ министрамъ, столь убѣжденнымъ въ своей непогрѣшимости, придавала еще болѣе занимательности и соли этимъ сношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и близкими.

Императрица Екатерина взглянула благосклонно на близость, возникавшую между ея внукомъ и нами двумя; она одобряла это сближеніе, не угадывая, конечно, ни истиннаго его повода, ни послѣдствій. Полагаю, что, по ея представленіямъ и по стариннымъ воззрѣніямъ на значеніе аристократіи, она сочла полезнымъ привязать къ своему внуку вліятельное семейство. Она не подозрѣвала, что эта дружба укрѣпитъ его въ мнѣніяхъ, внушавшихъ ей страхъ и ненависть, и что она будетъ одною изъ тысячи причинъ успѣха либеральныхъ идей въ Европѣ появленія—увы! кратковременнаго—на политической сценѣ Польши, которую она считала навсегда похороненною. Одобреніе, высказанное Императрицей явному благоволенію, которое оказывалъ намъ великій князь, заставило молчать всѣхъ порицателей и поощрило насъ въ нашихъ сношеніяхъ, и безъ того столь привлекательныхъ...

Великій князь, въ началѣ этого лѣта, жилъ въ большомъ зданіи и еще не переселялся въ отдѣльный дворецъ, расположенный въ паркѣ, который велѣла для него выстроить Императрица и который только-что былъ оконченъ. Въ теченіе нѣкотораго времени посѣщеніе этого дворца послужило намъ цѣлью въ нашихъ послѣобѣденныхъ прогулкахъ. Великій князь наконецъ переселился туда, и тогда наши свиданія стали гораздо болѣе свободными. Онъ часто оставлялъ насъ обѣдать у себя, и рѣдко проходилъ день безъ того, чтобы одинъ изъ насъ не ходилъ къ нему ужинать, когда изъ большаго дворца разъѣзжались. По утрамъ мы прогуливались пѣшкомъ, иногда по нѣскольку верстъ. Великій князь любилъ ходить пѣшкомъ, заходить въ окрестныя деревни, и тутъ въ особенности предавался онъ любимымъ своимъ разговорамъ. Онъ находился подъ обаяніемъ едва начинавшейся юности, создающей себѣ образы, утѣшающей себя ими, не останавливающейся на невозможностяхъ, строящей безконечные планы для будущности, коей предѣловъ она не видитъ. Мнѣнія его были мнѣніями школьника 89-го года, который желалъ бы видѣть повсюду республику и считалъ эту форму правленія един-

ственно сообразною съ желаніями и правами человѣчества. Хотя я самъ въ это время былъ очень восторженъ, хотя родился и былъ воспитанъ въ республикѣ, съ жаромъ принявшей всѣ начала Французской революціи, однако же въ нашихъ спорахъ я держалъ сторону благоразумія и умѣрялъ крайнія мнѣнія великаго князя. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая сумѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію ею. Я представлялъ ему все то, что̀ можно сказать противъ этого мнѣнія, трудности и случайности избранія, все, что отъ нихъ потерпѣла Польша, и сколь мало Россія была способна и подготовлена къ такому порядку вещей [1].

ИЗЪ ГЛАВЫ V.

1796 годъ.

Стр. 113: Странно, что Императрица Екатерина, мечтавшая о томъ, чтобы Александръ былъ продолжателемъ ея царствованія и ея славы, не думала приготовлять его къ этому назначенію и не пріучала къ различнымъ отраслямъ управленія . . . Кажется, ни она и никто изъ ея приближенныхъ объ этомъ не заботился.

Стр. 114: Ученыя занятія 18-лѣтняго великаго князя прекратились послѣ его женитьбы и отъѣзда Лагарпа. . . . . Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ заниматься систематически. . . .

Стр. 115—116: Изъ числа людей, которымъ было ввѣрено образованіе обоихъ великихъ князей, можно указать съ похвалой только на одного г. Лагарпа . . . . Но кажется, что г. Лагарпъ, имѣвшій сильное вліяніе на умъ и сердце великаго князя, не умѣлъ его расположить къ серіозному труду. . . . . Г. Лагарпъ внушилъ ему любовь къ человѣчеству, къ правосудію, даже къ равенству и свободѣ. . . . это была его заслуга. . . . . Но едва-ли онъ старался останавливать его вниманіе на величайшихъ трудностяхъ, которыя должны были ему встрѣтиться при осуществленіи высокихъ и великодушныхъ его замысловъ [2].

---

[1] Выдержки изъ IV главы извлечены, какъ выше замѣчено, изъ статьи „Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыйскій“, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1871 года.

[2] Далѣе V глава заключаетъ въ себѣ любопытную характеристику приближенныхъ къ великимъ князьямъ лицъ: графа Салтыкова, графа Протасова, Муравьева и барона Будберга, а также описаніе кончины Екатерины II и вступленія на престолъ Павла I.

ИЗЪ ГЛАВЫ VI.

1796, 1797 и 1798 годы.

Стр. 126: Никогда еще не бывало такого мгновеннаго и полнаго измѣненія декорацій, какое произошло при восшествіи на престолъ Павла I. *Стр. 128*: Перемѣны и новыя мѣры слѣдовали одна за другою съ невѣроятною быстротой. *Стр. 131*: За немногими исключеніями всѣ люди, имѣвшіе силу и значеніе при Екатеринѣ, перешли въ ничтожесво и забвеніе. Появились новыя личности, почти мгновенно выступившія и занявшія видныя мѣста. Екатерининскіе государственные сановники были уволены и замѣнены другими. . . . . *Стр. 132*: Павелъ отличилъ одного только графа Безбородко, по уваженію къ его дѣйствительно выдающимся способностямъ и высокому общественному авторитету...

Стр. 134: Однимъ изъ первыхъ и, конечно, великодушнѣйшихъ распоряженій Павла, при его вступленіи на престолъ, было освобожденіе Польскихъ плѣнниковъ. . . . . . Онъ посѣтилъ томившагося въ заключеніи Костюшку и оказалъ ему величайшее участіе; онъ заявилъ ему, что еслибъ онъ былъ на тронѣ, то никогда бы не согласился на раздѣлъ Польши. . . . .

По просьбѣ Костюшки, онъ далъ свободу всѣмъ Польскимъ плѣннымъ и потребовалъ отъ нихъ лишь присяги въ вѣрности. Одинъ только Игнатій Потоцкій не былъ тогда помилованъ. Государь объявилъ свою волю, чтобы, прежде его освобожденія, всѣ бывшіе въ Петербургѣ Поляки за него поручились.

Стр. 135: Насъ пригласили во дворецъ для того, чтобы каждый отдѣльно подписалъ ручательство въ томъ, что маршалъ Потоцкій не предприметъ ничего противъ Россіи. . . . . Собраніе было многочисленное. Вице-канцлеръ Куракинъ обязанъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы въ письменныхъ поручительствахъ ясно было обозначено, какую отвѣтственность мы на себя принимаемъ. Братъ мой и я подписались немедленно. . . . . Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ колебались и высказывали опасенія; другіе, узнавъ въ чемъ дѣло, скрывались изъ собранія; въ числѣ послѣднихъ былъ графъ Ириней Хребтовичъ, вскорѣ потомъ окончательно обрусѣвшій. . . . .

Стр. 136: Можно себѣ представить счастіе освобожденныхъ плѣнниковъ... Между ними были знаменитѣйшіе члены великаго

сейма 1788—92 года: графъ Потоцкій, графъ Ѳаддей Мостовскій, знаменитый Юліанъ Нѣмцевичъ, Закржевскій—меръ г. Варшавы, прославившійся безкорыстіемъ, патріотизмомъ и величайшимъ мужествомъ; генералъ Сокольницкій, который добровольно пошелъ въ тюрьму, чтобы только не разставаться съ Закржевскимъ; гг. башмачникъ Килинскій и мѣняла, или банкиръ Капосташъ, достойные граждане Варшавы, пользовавшіеся вполнѣ заслуженною популярностью и вліяніемъ на жителей Варшавы. Мы видѣлись съ ними ежедневно [1]...

Стр. 137: Императоръ Павелъ, любившій поступать наперекоръ Екатеринѣ, тотчасъ по вступленіи на престолъ пригласилъ проживавшаго въ Гроднѣ польскаго короля въ Петербургъ...

Стр. 139: Король былъ принятъ въ Петербургѣ со всѣми подобающими королевскимъ особамъ почестями.

Стр. 144: Мы получили чины бригадировъ арміи..... и въ видѣ особенной милости..... я былъ назначенъ адъютантомъ Александра, а братъ мой—адъютантомъ Константина. Такое назначеніе насъ обрадовало, потому что оно насъ особенно приблизило къ великимъ князьямъ.

Стр. 145: Въ началѣ весны 1797 года Императоръ отправился въ Москву для коронаціи..... *Стр. 147*: Онъ пожелалъ, чтобы король Польскій слѣдовалъ за нимъ и присутствовалъ на всѣхъ торжествахъ..... Станиславъ Августъ игралъ при этомъ

---

[1] Башмачникъ Янъ Килинскій былъ однимъ изъ главныхъ вожаковъ заговора варшавскихъ гражданъ. Ксендзъ Мейеръ вовлекъ его въ этотъ заговоръ и навелъ на мысль объ избіеніи на улицахъ и въ домахъ, въ пасхальную ночь 5—17 апрѣля 1794 года, безоружныхъ и сонныхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ. Килинскій началъ рѣзню, заколовъ ножемъ двухъ офицеровъ и казака. Во главѣ польскаго патріотическаго движенія были: камергеръ Венгерскій, генералъ Дзялынскій, купецъ Капосташъ и Янъ Килинскій. Они вошли въ сношенія съ эмигрантами: Игнатіемъ Потоцкимъ, Коллонтаемъ и Костюшкой. Послѣдній принялъ начальство надъ польскими войсками. Послѣ взятія предмѣстья Праги Суворовымъ, Килинскій, вмѣстѣ съ Костюшкой, Нѣмцевичемъ и другими предводителями мятежа, былъ взятъ и отвезенъ въ Петербургъ. Получивъ прощеніе и свободу, Килинскій прожилъ нѣсколько времени въ Вильнѣ, а затѣмъ переселился въ Варшаву, гдѣ, до кончины своей въ 1819 году (онъ родился въ 1760 году), продолжалъ заниматься прежнимъ башмачнымъ ремесломъ. Одинъ изъ польскихъ поэтовъ Викентій Поль написалъ о Килинскомъ поэму. При похоронахъ Килинскаго присутствовало 30.000 народа. (Приводимыя свѣдѣнія извлечены изъ напечатанныхъ въ *Русской Старинѣ* 1895 г., февраль, „Записокъ башмачника Яна Кильнскаго о варшавскихъ событіяхъ 1794 года и о своей неволѣ“ и изъ предисловія къ запискамъ г. Воробьева).

жалкую роль. Въ соборѣ, въ день коронаціи, во время богослуженія и церемоній, Станиславъ Августъ, совершенно утомленный, присѣлъ на трибунѣ, для него приготовленной. Императоръ это замѣтилъ и прислалъ сказать, чтобъ онъ всталъ, что несчастный король и исполнилъ немедленно.

Стр. 148. Многочисленныя депутаціи изъ всѣхъ областей государства явились по указу Государя для принесенія ему поздравленія и для изъявленія покорности. Депутаты польскихъ провинцій казались очень разстроенными и смущенными. Всѣ они были гражданами независимой Польши, имѣли большое значеніе въ своихъ палатинатахъ, многіе изъ нихъ играли выдающуюся роль на послѣднемъ сеймѣ или занимали государственныя должности. Эти люди видѣли теперь своего короля, печально сидѣвшаго на трибунѣ или становившагося на одно колѣно въ знакъ покорности передъ чужестраннымъ Государемъ, повелителемъ ихъ отечества. Съ болью въ сердцѣ и съ глубокою печалью встрѣтился я здѣсь съ моими знакомыми и былъ пораженъ ихъ измѣнившимся видомъ. Они казались на этихъ торжествахъ запуганными, нравственно убитыми и униженными.

Стр. 149: Въ числѣ литовскихъ депутатовъ былъ г. Букатый, служившій нѣсколько лѣтъ представителемъ короля и республики при Англійскомъ правительствѣ..... Благодаря англійскому портеру, онъ обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ и отличался неистощимою веселостью..... Теперь я увидѣлъ его исхудалымъ, со впалыми щеками;..... онъ ходилъ пошатываясь, съ опущенною головой, и былъ точнымъ олицетвореніемъ тогдашней Польши.....

Стр. 169—170: Изъ числа придворныхъ великій князь (Александръ Павловичъ) приблизилъ къ себѣ только одного изъ своихъ камеръ-юнкеровъ и принималъ его у себя. Это былъ князь Александръ Голицынъ. Его называли „маленькимъ Голицынымъ“, потому что онъ былъ маленькаго роста. Онъ нравился великому князю своими забавными разговорами, зналъ всѣ городскія сплетни и мастерски умѣлъ передразнивать всѣхъ и каждаго въ выраженіи лица, въ пріемахъ, голосѣ и разговорѣ... Маленькій Голицынъ былъ въ полномъ смыслѣ слова эпикуреецъ, пользовался съ разсчетомъ и обдуманно всѣми случаями для пріятной жизни и развлеченій. По восшествіи на престолъ Александра, онъ вздумалъ занять серьезное служебное положеніе и, по совѣту Александра, поступилъ прокуроромъ въ Сенатъ. Вѣроятно, подражая набожному настроенію Александра, онъ

мнѣніе, умѣлымъ образомъ направляемое, развивается, усиливается, укореняется и также помогаетъ успѣху.

„Каждый руководитель, исподволь пріобрѣтая въ своей мѣстности довѣріе и значеніе, подготовляетъ и пріискиваетъ способныхъ помощниковъ и обдумываетъ, въ какое время и кому поручить исполненіе того или другаго дѣла. Онъ удерживаетъ и обуздываетъ нетерпѣливыхъ и неблагоразумныхъ, которыхъ преждевременныя и безумныя выходки мѣшаютъ правильному ходу дѣла и уничтожаютъ вѣрнѣйшія Польскія надежды.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается во всѣхъ направленіяхъ, охватываетъ всѣхъ, царитъ надъ всѣми и никому не даетъ ни покоя ни отдыха".

Изложивъ такимъ образомъ свой планъ подготовленія всѣхъ Польскихъ провинцій къ возстанію, князь Чарторыйскій продолжаетъ:

„Теперь я предполагаю чудо, истинное чудо, именно: предполагаю, что всѣ мѣстные руководители устремятся къ одной цѣли и изберутъ *одну власть* для того, чтобы единодушно повиноваться ей, подчинить ей свои частныя усилія, произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Тогда въ одинъ мигъ возстанетъ вся Польша; не будетъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской мызы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать—изъ-за каждаго куста, выступитъ вооруженный воинъ. Со всѣхъ сторонъ аттакованный, пришелецъ будетъ поставленъ въ недоумѣніе, куда направить свои дѣйствія. Если одновременно, по указанію единой, центральной власти, возстанетъ народъ и подниметъ оружіе,—тогда успѣхъ несомнѣненъ. Но (замѣчаетъ князь Чарторыйскій) *это условіе трудно исполнимо, особенно между нами*.

„Когда Европа убѣдится, что въ насъ есть сила и способность къ самостоятельности и къ самоуправленію, которыхъ нельзя разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это случилось въ 1831 году, то она выступитъ со своимъ посредничествомъ, придетъ къ намъ на помощь, остановитъ кровопролитіе и громко провозгласитъ, что Польша есть нація самостоятельная и что никому не принадлежитъ право лишать ее достигнутой ею самостоятельности..."

Въ этой рѣчи замѣчательно то, что князь Чарторыйскій, зная нравственныя качества и характеръ своихъ соотечественниковъ, ихъ рознь, наклонности каждаго дозедѣвать и первенствовать,

адъютантомъ при великомъ князѣ, то меня назначили гофмаршаломъ при дворѣ великой княжны Елены, вышедшей вскорѣ замужъ за великаго герцога Мекленбургскаго..... Это назначеніе ни мало не измѣнило моихъ отношеній къ великому князю Александру.

Стр. 188: Дворъ былъ въ Павловскѣ..... Я занималъ тамъ отдѣльный домикъ..... Однажды утромъ мнѣ принесли отъ графа Ростопчина письмо, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что я назначенъ министромъ Императора при Сардинскомъ королѣ и чтобъ я немедленно отправился въ Петербургъ для полученія инструкцій и для отъѣзда черезъ восемь дней въ Италію. Это была моя опала, но подъ видомъ милости.

ИЗЪ ГЛАВЫ VII.

1798—99 годы.

Стр. 191: Нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ 1798—99 года, проведенныхъ съ моими сестрами въ Вѣнѣ, были счастливѣйшими въ моей жизни. *Стр. 193*: Во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, я познакомился съ г. Поццо-ди-Борго; благодаря именно знакомству со мною онъ получилъ высокое служебное положеніе и пріобрѣлъ огромное состояніе.....

Стр. 198: Австрія никогда никого не любила, кромѣ себя самой. Это себялюбіе свойственно, конечно, всѣмъ государствамъ такъ же, какъ и всѣмъ людямъ въ частности; но Австрія въ особенности и болѣе, чѣмъ другія, исключительно и настойчиво любитъ только себя; такой крайній эгоизмъ уничтожаетъ въ ней всякій великодушный порывъ, всякое сердечное, искреннее и, скажемъ прямо, честное чувство къ другимъ.

Стр. 199: Мои дипломатическія обязанности къ королю Эммануилу..... были несложны..... Съ самаго поступленія моего на русскую службу..... я всегда безучастно и равнодушно исполнялъ то, что̀ отъ меня требовали. Это равнодушіе было, при моей настоящей должности, особенно для меня необходимо, такъ какъ мнѣ приходилось, по обязанности, называть успѣхами то, что̀ я признавалъ въ душѣ несчастіемъ; я долженъ былъ любезно переписываться съ Суворовымъ, забывая кровопролитный штурмъ Праги; я долженъ былъ подписывать донесенія мои къ Императору, называя себя: „Вашъ вѣрноподданный и рабъ“.

Стр. 208: Вынужденное пребываніе мое вдали отъ родины,

разлука съ семьей, служебное положенiе, вовсе для меня не подходящее и отвлекавшее меня отъ моей цѣли,—все это довело меня до летаргiи .... Самыя неожиданныя и важныя событiя не въ состоянiи были исторгнуть меня изъ полнѣйшей апатiи. Дѣло въ томъ, что во всю мою жизнь единственная сила, управлявшая моими дѣйствiями, была любовь къ отечеству. Все то, что̀ не могло принести пользы ни моей странѣ, ни моимъ соотечественникамъ, не имѣло для меня ровно никакой цѣны. Съ дѣтскихъ лѣтъ я привыкъ любить и цѣнить только то, что̀ имѣло прямое или косвенное отношенiе къ родинѣ. Даже самыя пустыя вещи, если онѣ касались Польши, возбуждали во мнѣ живое сочувствiе. Въ Варшавѣ былъ, напримѣръ, очень недурной французскiй театръ: онъ казался мнѣ скучнымъ; напротивъ того, польскiй театръ, хотя и весьма плохой, живо меня интересовалъ.

Стр. 211: Добрыя отношенiя Императора Павла къ Австрiи стали ухудшаться...... Бонапартъ этимъ воспользовался и поспѣшилъ всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ отправить къ Павлу, снабдивъ ихъ новою одеждой и подарками. Такая любезность перваго консула расположила къ нему Императора...... Генералъ Левашовъ былъ отправленъ въ Неаполь въ качествѣ посредника между Францiей и королевствомъ обѣихъ Сицилiй. Проѣзжая черезъ Римъ, онъ мнѣ передалъ письмо графа Ростопчина; вскорѣ я получилъ отъ него второе письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что Императоръ, недовольный сардинскимъ дворомъ, выразилъ желанiе, чтобъ я уѣхалъ подъ предлогомъ, будто желаю посѣтить Неаполь. *Стр. 212:* Это меня крайне обрадовало, и я поспѣшилъ отправиться въ Неаполь...

Стр. 216: Вдругъ, подобно громовому удару, насъ поразила вѣсть о кончинѣ Павла ...... Курьеръ, привезшiй это извѣстiе въ посольство, былъ точно глухонѣмой ...... Онъ подалъ мнѣ отъ новаго Императора Александра записку, въ которой послѣднiй выражалъ желанiе, чтобъ я немедленно возвратился.

ИЗЪ ГЛАВЫ VIII.

1800 годъ.

Стр. 222: На возвратномъ пути, недалеко отъ Риги, меня встрѣтилъ фельдъегерь и передалъ дружескую записку Императора и подорожную для скорѣйшаго проѣзда. *Стр. 223:* Наконецъ я увидѣлся съ Александромъ, и первое впечатлѣнiе под-

твердило вѣрность моего предчувствія . . . . . . Онъ принялъ меня дружески, но былъ печаленъ, разстроенъ и не обнаружилъ сердечной радости, столь обыкновенной въ человѣкѣ, который не видитъ надобности себя стѣснять. Я замѣтилъ въ немъ какъ-будто сдержанность и принужденность, и это болѣзненно отозвалось въ моемъ сердцѣ. Онъ повелъ меня въ свой кабинетъ.— „Хорошо, что вы возратились", сказалъ онъ, „наши васъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. . . Если бы вы были здѣсь, ничего бы этого не случилось" . . . Онъ сталъ подробно разсказывать о кончинѣ своего отца. . . .

Стр. 260—261: Я былъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ могъ бесѣдовать свободно, безъ стѣсненій, которому онъ издавна привыкъ довѣрчиво открывать свои мысли и передавать свое горе, а потому я могъ, предпочтительно передъ другими, входить въ его кабинетъ въ тѣ минуты, когда онъ предавался терзавшимъ его мыслямъ . . . . . . Я старался поддерживать въ немъ энергію, напоминалъ его обязанности, указывалъ на необходимость дѣйствовать . . . . . . Всѣ его приближенные, ... видя, что только я одинъ могъ свободно и откровенно говорить съ нимъ, убѣждали меня продолжать мои съ нимъ бесѣды . . . . .

ИЗЪ ГЛАВЫ IX.

1801—1802 годы.

Стр. 265: Мысли и чувства Александра, которыми я такъ восхищался, когда онъ былъ еще Русскимъ великимъ княземъ, не измѣнились; но . . . . . . въ новомъ его положеніи самодержавнаго государя онѣ не могли не принять особаго оттѣнка. Тѣмъ не менѣе, въ продолженіе многихъ лѣтъ онѣ таились въ его сердцѣ, какъ страстное чувство, которое человѣкъ скрываетъ отъ людей, неспособныхъ его понять, но которое господствуетъ въ немъ и обнаруживается, когда является къ тому поводъ. Я часто буду указывать на эту черту, объясняющую многое въ характерѣ Александра. *Стр. 266:* Его постоянно занимали мечты о водвореніи правосудія, объ освобожденіи народа, о необходимости преобразованій, о свободныхъ учрежденіяхъ; но онъ сознавалъ, какія иногда совершенно неодолимыя препятствія будутъ встрѣчаться въ Россіи при введеніи самыхъ простѣйшихъ реформъ. Онъ старался показать близкимъ къ нему людямъ, что его чувства не измѣнились, несмотря на перемѣну его положенія. Въ то же время онъ принужденъ былъ скрывать эти чув-

ства, и особенно не обнаруживать ихъ передъ людьми, вовсе къ тому неприготовленными. . . . . Между тѣмъ правительственный механизмъ продолжалъ дѣйствовать по старой рутинѣ . . . . Чтобы выйти, по возможности, изъ такого противорѣчія съ самимъ собою, Александръ составилъ нѣчто въ родѣ тайнаго комитета изъ людей, которыхъ онъ называлъ своими личными друзьями и считалъ своими единомышленниками. Молодой князь Павелъ Строгановъ, Новосильцевъ и я—составили первое звено этого комитета. Мы давно знали другъ друга, но съ этихъ поръ наши взаимныя отношенія сдѣлались гораздо болѣе серьезными. Насъ особенно соединяла сознаваемая нами необходимость сплотиться около Императора, чтобы не оставить его одного съ его реформаторскими увлеченіями.

Стр. 267: Четвертымъ членомъ нашего тайнаго совѣта былъ, по выбору Императора, графъ Кочубей...

Стр. 269: Намъ дозволено было приходить къ Государю обѣдать безъ приглашенія. Наши совѣщанія происходили два или три раза въ недѣлю. Послѣ кофе и нѣсколькихъ минутъ разговора въ столовой Императоръ удалялся въ свои покои; между тѣмъ какъ другіе приглашенные расходились по домамъ,—мы вчетверомъ отправлялись черезъ корридоръ въ маленькую туалетную комнату, соединявшуюся съ внутренними покоями . . . . . Къ намъ приходилъ Государь, и здѣсь мы предавались обсужденію различныхъ проектовъ и реформъ . . . . . . Государь съ полнымъ довѣріемъ высказывалъ намъ все, что̀ было у него на душѣ. Эти бесѣды долгое время были не что иное, какъ обмѣнъ мыслей, безъ всякаго существеннаго результата; тѣмъ не менѣе, надо сказать, что всѣ мѣры, клонившіяся къ внутреннему благоустройству, предпринятыя или исполненныя въ царствованіе Александра, получили начало въ этихъ разговорахъ.

Стр. 271: Пятымъ членомъ нашего тайнаго совѣта былъ г. Лагарпъ, прибывшій въ Петербургъ, чтобы навѣстить своего царственнаго ученика. . . . . . Г. Лагарпъ имѣлъ сорокъ слишкомъ лѣтъ; онъ былъ членъ директоріи Швейцарскаго союза и ходилъ всегда въ мундирѣ съ саблей, висѣвшею на шитой узорами перевязи. Всѣмъ намъ казался онъ ниже своей репутаціи и ниже того мнѣнія, которое имѣлъ о немъ Императоръ. Онъ принадлежалъ къ людямъ, глубоко вѣровавшимъ въ идеи XVIII столѣтія и убѣжденнымъ въ томъ, что съ его доктринами, какъ какимъ-то философскимъ камнемъ или универсальнымъ лѣкарствомъ, все можно объяснить, и что нѣсколькими священными,

завѣтными изреченіями можно устранить какія угодно препятствія. . . . . .

Стр. 278: Трое „нашихъ", какъ называлъ насъ Императоръ, вступили въ практическую сферу и узнали на опытѣ препятствія и затрудненія, какія непремѣнно встрѣчаются въ правительственномъ механизмѣ [1] . . . .

Что касается меня, то я не имѣлъ никакого желанія участвовать въ русскихъ дѣлахъ. Я очутился, совершенно необыковеннымъ и случайнымъ образомъ, въ положеніи экзотическаго растенія, на чуждой почвѣ, съ чувствами, которыя не могли вполнѣ гармонировать съ чувствами моихъ случайныхъ товарищей. Поэтому я оставался единственнымъ членомъ тайнаго совѣта внѣ дѣлъ и былъ этимъ очень доволенъ, хотя бездѣйствіе тяготило меня, и я часто горевалъ по родинѣ и роднымъ, пламенно желалъ возвратиться домой и не разставаться со счастіемъ, къ которому я стремился всею душой.

Стр. 279: Только привязанность къ Императору и надежда принести пользу моему отечеству удерживали меня на русской службѣ. Но эта надежда часто во мнѣ исчезала . . . .

Такое положеніе было для меня тягостно; я только и думалъ о томъ, какъ бы совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга. . . . . . . Императоръ заводилъ по временамъ рѣчь о Польшѣ, но эти разговоры становились все рѣже и рѣже. Замѣчая мое грустное, безнадежное настроеніе, онъ возобновлялъ свои бесѣды, но уже не такъ, какъ прежде. Онъ успокоивалъ неопредѣленными обѣщаніями или совсѣмъ не высказывался о предметѣ, служившемъ единственною цѣлью моей съ нимъ связи. Избѣгая рѣшительныхъ объясненій, онъ хотѣлъ однако, чтобы какъ по этому предмету, такъ и по многимъ другимъ, меня занимавшимъ, я не сомнѣвался въ неизмѣнности его намѣреній и чувствъ. Впрочемъ, въ его тогдашнемъ положеніи могъ-ли онъ иначе и поступать, и могъ-ли я чего-либо другаго отъ него требовать?

Стр. 284—285: Первый консулъ поспѣшилъ отправить своего адъютанта Дюрока и съ нимъ одного офицера къ Александру съ поздравленіемъ. Императоръ Александръ не имѣлъ тогда особеннаго сочувствія къ Англіи, потому что былъ воспитанъ въ духѣ, совершенно противоположномъ англійской политикѣ, ру-

---

[1] Въ 1801 г. Павелъ Строгановъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента Сената, Новосильцевъ—секретаремъ Императора, а Кочубей—завѣдующимъ иностранными дѣлами на мѣсто уволеннаго графа Панина.

мнѣніе, умѣлымъ образомъ направляемое, развивается, усиливается, укореняется и также помогаетъ успѣху.

„Каждый руководитель, исподволь пріобрѣтая въ своей мѣстности довѣріе и значеніе, подготовляетъ и пріискиваетъ способныхъ помощниковъ и обдумываетъ, въ какое время и кому поручить исполненіе того или другаго дѣла. Онъ удерживаетъ и обуздываетъ нетерпѣливыхъ и неблагоразумныхъ, которыхъ преждевременныя и безумныя выходки мѣшаютъ правильному ходу дѣла и уничтожаютъ вѣрнѣйшія Польскія надежды.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается во всѣхъ направленіяхъ, охватываетъ всѣхъ, царитъ надъ всѣми и никому не даетъ ни покоя ни отдыха".

Изложивъ такимъ образомъ свой планъ подготовленія всѣхъ Польскихъ провинцій къ возстанію, князь Чарторыйскій продолжаетъ:

„Теперь я предполагаю чудо, истинное чудо, именно: предполагаю, что всѣ мѣстные руководители устремятся къ одной цѣли и изберутъ *одну власть* для того, чтобы единодушно повиноваться ей, подчинить ей свои частныя усилія, произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Тогда въ одинъ мигъ возстанетъ вся Польша; не будетъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской мызы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать—изъ-за каждаго куста, выступитъ вооруженный воинъ. Со всѣхъ сторонъ аттакованный, пришелецъ будетъ поставленъ въ недоумѣніе, куда направить свои дѣйствія. Если одновременно, по указанію единой, центральной власти, возстанетъ народъ и подниметъ оружіе,—тогда успѣхъ несомнѣненъ. Но (замѣчаетъ князь Чарторыйскій) *это условіе трудно исполнимо, особенно между нами.*

„Когда Европа убѣдится, что въ насъ есть сила и способность къ самостоятельности и къ самоуправленію, которыхъ нельзя разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это случилось въ 1831 году, то она выступитъ со своимъ посредничествомъ, придетъ къ намъ на помощь, остановитъ кровопролитіе и громко провозгласитъ, что Польша есть нація самостоятельная и что никому не принадлежитъ право лишать ее достигнутой ею самостоятельности..."

Въ этой рѣчи замѣчательно то, что князь Чарторыйскій, зная нравственныя качества и характеръ своихъ соотечественниковъ, ихъ рознь, наклонность каждаго повелѣвать и первенствовать,

русскихъ губерніяхъ? Это русская кровь течетъ въ сердцахъ, нынѣ Россіи, матери своей, враждебныхъ! Сія страсть къ прозелитизму въ римскомъ духовенствѣ еще не охладѣла; никакіе законы не могутъ положить существенной преграды дѣйствіямъ оной"....

Стр. 39: „Я увѣренъ, что мало отыщется въ римскомъ обрядѣ крестьянъ русскаго происхожденія, которые бы не присоединились къ оному уже во время россійскаго правленія. Можетъ быть, довольно одного благопріятнаго случая — и полтора милліона Русскихъ по крови и языку своему отчуждены будутъ навсегда отъ старшихъ своихъ братьевъ.

„Вотъ истинное состояніе существующихъ въ Россіи римскаго и уніатскаго обрядовъ. Я не намѣренъ вникать въ способы, могущіе дѣйствовать на умы Римлянъ..... Но уніаты,—стóитъ только удалить ихъ нѣсколько отъ Римлянъ, стóитъ дать посредствомъ воспитанія надлежащее направленіе умамъ духовенства полуторы тысячи уніатскихъ приходовъ,—и народъ легко пойдетъ путемъ, пастырями своими указываемымъ..... О, да поспѣшитъ правительство учрежденіемъ училищъ для уніатскаго духовенства!".....

Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишковъ, прочтя эту записку, представилъ ее Николаю Павловичу, который вполнѣ оцѣнилъ ея глубокое государственное значеніе, искренность и прямоту. Никогда еще государь не слышалъ такой откровенной и смѣлой рѣчи въ защиту угнетеннаго русско-уніатскаго народа, въ обличеніе польско-латинской неправды и коварства и въ осужденіе ошибокъ и заблужденій правительства. Государь возвратилъ записку А. С. Шишкову съ слѣдующею резолюціей: „Я съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ записку, которую вы мнѣ прислали. Раздѣляю совершенно сей образъ мыслей и радуюсь, что случайно нашелъ въ уніатской церкви человѣка, который можетъ быть способенъ помочь намъ въ дѣлѣ, которымъ непрестанно занимаюсь и съ помощію Божіею приведу въ исполненіе. Вы можете ему объявить, что я весьма доволенъ, что его узналъ." [1]

---

[1] Эту резолюцію императора Николая Павловича мы извлекли изъ статьи графа Д. А. Толстаго подъ заглавіемъ; „Іосифъ, митрополитъ Литовскій, и возсоединеніе уніатовъ съ Православной Церковію въ 1839 году", С.-Петербургъ, 1869 г. Эта статья напечатана въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1869 годъ и появилась въ отдѣльныхъ оттискахъ изъ этого журнала.

находился въ непрерывной тягостной борьбѣ съ самимъ собою: мысль, что я сдѣлалъ кое-что хорошее, встрѣчалась съ упрекомъ за то, что я никакъ не могу достигнуть цѣли, къ которой стремлюсь, и не въ силахъ осуществить своихъ надеждъ. . . . . Мною овладѣло отчаяніе и глубокое отвращеніе ко всему окружающему. Не смотря на близкія мои связи съ членами нашего приближеннаго къ Государю кружка, я не могъ безусловно имъ довѣряться; ихъ чувствованія и образъ мыслей, которые они часто высказывали, были совершенно русскія и рѣзко противорѣчили тому, что̀ я скрывалъ въ глубинѣ моей души.

Только одному Императору смѣло и откровенно высказывалъ я свое горе и его причины. . . . . Болѣе, чѣмъ другіе приближенные къ Государю, я пользовался его довѣріемъ; со мною онъ былъ свободнѣе и вѣрилъ мнѣ болѣе, чѣмъ другимъ; я лучше другихъ отгадывалъ его мысли и смѣлѣе и прямѣе говорилъ ему правду о людяхъ, о дѣлахъ и о немъ самомъ. . . . .

Стр. 292—293: Послѣобѣденныя совѣщанія наши у Императора дѣлались болѣе и болѣе серьезными и вліятельными. Весною 1802 года они были на нѣкоторое время прерваны по случаю предпринятаго Императоромъ путешествія съ политическими цѣлями.

Русскою дипломатіею завѣдывалъ тогда графъ Кочубей, да и самъ Императоръ сталъ внимательно заниматься ею. Графъ Кочубей усвоилъ систему, которая по его мнѣнію была согласна съ видами Государя и соотвѣтствовала его собственнымъ убѣжденіямъ. Онъ старался держать Россію въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, какъ можно менѣе въ нихъ вмѣшиваться и жить въ ладу со всѣми для того, чтобы дать возможность посвящать все время и все вниманіе заботамъ о внутреннемъ благоустройствѣ и улучшеніяхъ. Таковы были дѣйствительно мнѣнія и желанія Императора и его приближенныхъ. Но никто не усвоилъ этой системы съ такимъ убѣжденіемъ, никто не поддерживалъ ея и не слѣдовалъ ей съ такимъ постоянствомъ и непреклонною настойчивостью, какъ графъ Кочубей.—„Россія“, говорилъ онъ, „достаточно обширна и могущественна по своему пространству, населенію и географическому положенію. Ей нечего и некого бояться, лишь бы только она оставляла въ покоѣ другихъ. Она слишкомъ часто и безъ разбора вмѣшивалась въ чужія дѣла, которыя вовсе ея не касались. Ничто не проходило въ Европѣ безъ ея вмѣшательства, и она неоднократно затѣвала безполезныя и разорительныя для себя войны. Благодаря счаст-

[illegible] своему. Императоръ можетъ [illegible] миръ [illegible] внутреннихъ [illegible] государства, и никто не [illegible] тревожить его [illegible] [illegible]

[illegible] Императора Александра [illegible]

[illegible] Императора Александра [illegible] Пруссіи и Австріи. Слѣдуетъ [illegible] Чарторыйскаго [illegible]

Стр. 294: Прусскій и русскій государи очень желали свиданія. Первый этого желалъ для того, чтобы заручиться поддержкою въ происходившихъ тогда подъ руководствомъ Франціи переговорахъ о поземельныхъ вознагражденіяхъ въ Германіи. Что касается Александра, то онъ имѣлъ единственною цѣлью войти въ личныя, добрыя сношенія съ сосѣдомъ и родственникомъ. Къ Пруссіи и къ ея королю онъ питалъ особенное расположеніе по воспоминаніямъ о своемъ военномъ воспитаніи въ Гатчинѣ. Имѣя высокое понятіе о прусскихъ войскахъ, онъ желалъ ближе изучить ихъ военную выправку, ученья и парады, которымъ онъ придавалъ важное значеніе....

Стр. 295: Графъ Кочубей былъ противъ этого свиданія, предвидя его дурныя послѣдствія. Онъ старался отклонить государя отъ путешествія и совершенно противъ воли принужденъ былъ его сопровождать. Впутаться въ дѣло о вознагражденіи и служить чужимъ интересамъ онъ считалъ отступленіемъ отъ принятой имъ системы. Кочубей желалъ, чтобы Россія не принимала участія въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ главная, руководящая роль принадлежала первому консулу, который распредѣлялъ вознагражденія по своему усмотрѣнію. Но Кочубей не могъ противодѣйствовать....

Стр. 313: Наконецъ Императоръ учредилъ въ Россіи Министерства: Внутреннихъ Дѣлъ и Полиціи, Финансовъ, Юстиціи, Народнаго Просвѣщенія (которое было до него совсѣмъ заброшено и забыто въ Россіи), Торговли, Иностранныхъ Дѣлъ, Морское и Военное.... Манифестъ о министерствахъ произвелъ огромное впечатлѣніе въ государствѣ, въ петербургскомъ и московскомъ обществахъ.....

Безъ сожалѣнія и даже съ радостью графъ Кочубей разстался

скаго на Императора и на русскія государственныя дѣла восторжествовало, и противоположный политическій принципъ „Россія для другихъ" на долгое время сдѣлался господствующимъ въ государственной политикѣ. Приводимое ниже сего письмо исторіографа Н. М. Карамзина къ Императору Александру Павловичу отъ 17-го октября 1819 года свидѣтельствуетъ, что Государь вполнѣ сочувствоьалъ тогда мыслямъ Чарторыйскаго о возстановленіи Польши силами Россіи. Только въ самое недавнее время, именно въ царствованіе Императора Александра III, русская политика его державною рукой была переведена съ ложнаго пути вмѣшательства въ постороннія дѣла на путь истинно-государственной политики, имѣющей единою цѣлію: служеніе русскому народу и его нравственному, культурному и экономическому развитію и благоустройству, въ чемъ такъ еще нуждается Россія.

кромѣ собственныхъ силъ, имѣетъ опору въ общей иновѣрной и иностранной партіи по видамъ религіознымъ и политическимъ.....

„Не знаю, приходилось-ли кому измѣрить и оцѣнить вполнѣ, что сдѣлано въ пользу этой партіи въ послѣднія 10 или 15 лѣтъ. Тутъ не главное конкордатъ, но вообще предшествовавшія, сопровождавшія и послѣдовавшія учрежденія и распоряженія клонились къ тому, чтобы управить и усилить противу прежняго Римско-католическую въ Россіи іерархію. Но я не намѣренъ распространяться о семъ духовенствѣ, а обращу вниманіе на другое, постепенно въ здѣшней странѣ устроенное орудіе Латино-Польской партіи—гражданское чиноначаліе.

„Извѣстно, что православные въ Виленской и Гродненской губерніяхъ состоятъ почти изъ однихъ крестьянъ, а почти всѣ помѣщики принадлежатъ къ Римско-католическому вѣроисповѣданію и къ такъ-называемой польской кастѣ. Слѣдовательно, православные, по крѣпостному праву, вполнѣ зависятъ отъ сихъ иновѣрныхъ и инородныхъ помѣщиковъ. Чтобы въ подобное положеніе поставить и казенныхъ крестьянъ, чиновники по вѣдомству государственныхъ имуществъ назначены преимущественно изъ иновѣрцевъ. Въ обѣихъ палатахъ, Виленской и Гродненской, изъ 104 старшихъ чиновниковъ, только 19 православныхъ. Если къ сему прибавить, что всѣ 18 губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства иновѣрцы, а въ числѣ ихъ письмоводителей только одинъ православный, то ясно, что всѣ православные обѣихъ губерній состоятъ въ полной зависимости отъ иновѣрцевъ, въ ближайшихъ и необходимыхъ условіяхъ ихъ быта. При генералъ-губернаторѣ правитель канцеляріи, старшіе и младшіе секретари и прочіе чиновники канцеляріи, въ числѣ 21, всѣ иновѣрцы за исключеніемъ одного помощника секретаря—православнаго..... При обоихъ гражданскихъ губернаторахъ, чиновниковъ 9 православныхъ, а 20 иновѣрцевъ; въ обоихъ губернскихъ правленіяхъ 39 иновѣрцевъ и только 11 православныхъ. Въ такой же пропорціи находится исполнительная власть по уѣздамъ: на 165 старшихъ уѣздныхъ чиновниковъ исполнительной власти только 47 православныхъ. Судебная часть еще менѣе благопріятна для православныхъ: изъ 141 старшихъ чиновниковъ по судебной части только 10 православныхъ. Такимъ образомъ замѣщены старшія мѣста и по другимъ вѣдомствамъ. Всѣхъ же старшихъ чиновниковъ по Виленской и Гродненской губерніямъ изъ иновѣрцевъ 723, изъ православныхъ же 140,

коммиссія должна была подобный же трудъ предпринять и для иностранныхъ и привиллегированныхъ провинцій, а именно: для Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи и для польскихъ малорусскихъ провинцій, имѣющихъ каждая свои законы, свои обычаи, и свой языкъ.

Стр. 323: Изъ числа приближенныхъ къ Александру молодыхъ людей одинъ я оставался безъ должности. Александръ предложилъ мнѣ званіе товарища министра Иностранныхъ Дѣлъ. Графъ Воронцовъ изъявилъ на это согласіе; всѣ мои друзья, въ особенности Императоръ, настаивали, чтобъ я принялъ эту должность. Долго я отказывался и предостерегалъ, что Русскіе будутъ удивлены и недовольны, когда узнаютъ, что я занялъ такое мѣсто..... Я сказалъ Государю, что ему лучше, чѣмъ всякому другому, извѣстно, какія чувства я питаю къ своему отечеству, что эти чувства неизмѣнны, что я опасаюсь, чтобы съ перваго же дня вступленія моего въ должность они не оказались въ противорѣчіи съ обязанностями, которыя на меня будутъ возложены, и что поэтому мнѣ приличнѣе вовсе не принимать этой должности.[1] Императоръ возразилъ, что онъ не видитъ затрудненій, на которыя я указываю; если бы впослѣдствіи они и встрѣтились, то я всегда свободенъ удалиться, когда я пожелаю; напротивъ того, онъ предвидитъ обстоятельства, болѣе благопріятныя и согласныя съ моими чувствами....

Стр. 324: Онъ настойчиво упрашивалъ, чтобы я принялъ должность; это было одно изъ страстныхъ его желаній, не допускавшихъ отказа. Въ его настойчивости было столько доброты и сердечности, что я уступилъ, но подъ условіемъ, что я немедленно откажусь отъ принятыхъ обязанностей, если увижу, что онѣ несогласны съ моими польскими чувствами, которыя никогда во мнѣ не измѣнятся. .... Съ сердечнымъ сокрушеніемъ принялъ я должность, исполненную для меня опасностей. Притомъ эта должность удерживала меня въ Петербургѣ, гдѣ я былъ, какъ перелетная птица, какъ чуждое растеніе безъ корня;

---

[1] Нѣтъ сомнѣнія, что князь Чарторыйскій втайнѣ желалъ этого назначенія, такъ какъ оно было ему необходимо для пріобрѣтенія вліянія на внѣшнюю русскую политику и для направленія дипломатическихъ дѣлъ согласно со своими цѣлями. Но онъ зналъ, что его назначеніе на такой постъ будетъ дурно принято русскимъ обществомъ, а потому ему необходимо было показать, что онъ вовсе не искалъ и не желалъ этой должности. Поэтому онъ неоднократно отъ нея отказывался, зная, что Императоръ будетъ настаивать и не приметъ его отказа.

между тѣмъ какъ я только и думалъ, какъ бы мнѣ возвратиться къ роднымъ, въ отдаленіи отъ которыхъ я не могъ наслаждаться жизнью.

Принявъ должность, я твердо рѣшился не предпринимать ничего, что̀ бы могло вредить моему отечеству. Я еще не составилъ себѣ яснаго плана, какимъ образомъ могъ бы я послужить Польшѣ въ новомъ моемъ положеніи. Къ величайшей радости мнѣ сдѣлали другое, новое предложеніе, какъ-бы въ награду за то, что я покорился желанію Государя. Онъ ввѣрилъ мнѣ управленіе учебными заведеніями въ восьми Польскихъ губерніяхъ, т. е. во всей той части Польши, которая находилась въ его зависимости.

Учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи было замѣчательнѣйшимъ нововведеніемъ, обильнымъ благотворными послѣдствіями ......

Стр. 325: Потомство обязано признательностью Императору Александру, а съ нимъ вмѣстѣ и молодымъ людямъ, дѣятельность которыхъ многіе осуждали. Они помогли Государю осуществить его великодушные замыслы; они устроили новые отрасли управленія, распредѣлили ихъ на отдѣлы и установили порядокъ въ путаницѣ прежней администраціи. Нельзя себѣ представить ничего ничтожнѣе и хуже состоянія народнаго образованія въ Россіи до Александра. Въ Петербургѣ была Академія Наукъ, пользовавшаяся нѣкоторою извѣстностью, благодаря нѣсколькимъ ученымъ иностранцамъ, приглашеннымъ въ Россію ...... Эта Академія, печатавшая свои труды преимущественно по-французски и по-нѣмецки, не имѣла ничего общаго со страною и вовсе не заботилась вліять на ея развитіе. Въ Москвѣ, также особнякомъ, существовалъ университетъ съ какою-нибудь сотнею студентовъ, содержимыхъ на счетъ казны; своекоштныхъ слушателей почти не было. Кромѣ этихъ двухъ учрежденій, занимавшихъ первыя мѣста въ ученомъ и литературномъ мірѣ, въ Россіи были только такъ-называемыя народныя училища, въ которыхъ довольно плохо преподавались начальныя основанія небольшаго числа учебныхъ предметовъ. Наблюденіе за школами было ввѣрено несчастнымъ наставникамъ, опившимся отъ бездѣйствія и скуки; никто не посылалъ дѣтей въ эти школы, которыя никого не интересовали и о которыхъ никто не говорилъ.

Вся Россія, съ учрежденіемъ въ ней министерства народнаго просвѣщенія, должна была измѣниться. Существовавшіе въ

„Съ благодарностію вспоминаю прекрасныя отношенія римско-католическихъ начальниковъ и профессоровъ главной семинаріи къ греко-уніатскимъ воспитанникамъ оной; отношенія эти, кажется, были разсчитаны, чтобы привязать ихъ сердца къ Римской церкви... Не знаю, по какому поводу (кажется, это было случайно) профессора Виленскаго Университета приняли тогда по богословскимъ наукамъ въ руководство учебники, употреблявшіеся въ австрійскихъ университетахъ. Они составлены подъ вліяніемъ духа царствованія Іосифа II и устремлены, самымъ сильнымъ образомъ, противъ злоупотребленій папской власти. Любо было послушать уважаемаго мною профессора Клонгевича... Съ другой стороны, профессоръ каноническаго права, родомъ Итальянецъ, Капелли, свѣтскій человѣкъ, систематически и съ какимъ-то наслажденіемъ преслѣдовалъ при всякомъ случаѣ самыми ѣдкими сарказмами злоупотребленія римскаго духовенства... Думаю, ни въ одной православной академіи воспитанники не услышатъ о злоупотребленіяхъ Римской церкви того, что я слышалъ отъ сихъ двухъ наставниковъ...

„Что касается распространяемаго тогда систематически Чарторыйскимъ полонизма и ненависти къ Россіи, то это не имѣло почти никакого дѣйствія внутри главной семинаріи, а со свѣтскими воспитанниками Виленскаго Университета мы не имѣли никакихъ сообщеній...

„Невѣроятно, какъ трудно тогда было имѣть русскія книги и даже читать, имѣя оныя. Помню, мой товарищъ, бывшій послѣ Минскимъ преосвященнымъ, Антоній Зубко, досталъ какъ-то нумеръ стариннаго журнала *Улей*. Мы его начали просматривать вдвоемъ, въ ботаническомъ классѣ... Нужно было тогда посмотрѣть шумъ, который подняли свѣтскіе ученики университета! „Развѣ такіе нужны намъ священники, которые забываютъ мать Польшу, которые сочувствуютъ Россіи!“ и мы должны были припрятать свой журналецъ...

„Профессоромъ русской словесности въ Виленскомъ Университетѣ былъ тогда почтенный заслугами Чернявскій... Любилъ старикъ ходить во весь урокъ по классу и разсказывать намъ анекдотически, безъ всякаго порядка, но занимательно, съ чувствомъ и душою, все, что ему приходило на мысль о Россіи... Не помню, были-ли ему благодарны за эти уроки весьма немногочисленные его слушатели, но я ихъ пожиралъ; кажется, онъ поселилъ въ моемъ сердцѣ любовь къ Россіи.

„Я неохотно разстаюсь съ моими воспоминаніями о главной семинаріи...“

стилъ перeродиться оной въ рѣшительное враждебное направленіе къ Россіи. Прежнія училища въ Западныхъ губерніяхъ имѣли болѣе римское религіозное, нежели польское патріотическое направленіе, и занимались болѣе изученіемъ латинскаго, нежели польскаго языка. Чарторыйскій, руководимый извѣстнымъ Чацкимъ, преобразовалъ прежнія училища и завелъ множество новыхъ, въ которыхъ, среди русскаго и литовскаго населенія, всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ и юношество, при умственномъ воспитаніи, роднилось съ польскимъ языкомъ, съ польскою литературой и со свойственными ей понятіями польскаго патріотизма. Сей послѣдній распространялся въ особенности посредствомъ Виленскаго университета и Кременецкаго лицея, въ то же время учрежденнаго, а также тайными обществами. Навѣрно можно сказать, что въ царствованіе Императора Александра I число людей, говорящихъ польскимъ языкомъ въ Западныхъ губерніяхъ удвоилось, а патріотизмъ въ исключительно польской (не латышской) формѣ едва-ли не вновь образовался въ этихъ губерніяхъ. Этотъ патріотизмъ осуществился: въ отправленіи здѣшнихъ жителей въ польскіе Наполеоновскіе легіоны, въ формированіи въ Литвѣ противъ Россіи новыхъ полковъ въ бѣдственный 1812 годъ и въ мятежѣ 1830-го года. Должно замѣтить, что во всѣ эти три эпохи вражда къ Россіи кипѣла болѣе всего тамъ, гдѣ успѣли болѣе возстановить польскій патріотизмъ. Разумѣется, этотъ патріотизмъ пріобрѣлъ болѣе силы, пріобрѣлъ видимую цѣль—съ возстановленіемъ въ 1815 году Царства Польскаго, къ которому обратилась мечта патріотовъ.

„Императоръ Николай I тридцатилѣтними трудами желалъ показать эти мечты неосуществимыми. Введено въ Западныя губерніи русское законодательство..... языкомъ правительственнымъ сдѣланъ языкъ русскій..... Въ воспитаніи подавлено прежнее направленіе; воинскія силы изъ польскихъ и литовскихъ сдѣланы русскими; возсоединеніе уніатовъ уменьшило на половину силу и вліяніе римскаго католицизма. Благіе плоды этихъ мѣръ не замедлили обнаружиться: въ щекотливую венгерскую и опасную послѣднюю войну ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ Западныхъ губерніяхъ не оказалось мятежныхъ дѣйствій.

„Какое же приметъ направленіе польскій вопросъ въ настоящее время? Сердце Царево въ руцѣ Божіей!.... Но надежды Поляковъ сильно возродились, и обнаруживается лихорадочная дѣятельность. Теперь стóитъ серіозно подумать: утвердить-ли

ИЗЪ ГЛАВЫ X.

1803 и начало 1804 года.

Стр. 331: Мнѣ посчастливилось расположить къ себѣ людей стараго Русскаго поколѣнія, но въ особенности мнѣ благоволилъ мой начальникъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ сердечно полюбилъ меня, сталъ мнѣ оказывать полнѣйшее довѣріе и посвятилъ меня во всѣ безъ исключенія дѣла.

Стр. 348: Александръ никогда не могъ пріобрѣсть популярности и нравственнаго обаянія, которыми пользовалась его бабка. Послѣдняя имѣла полное право говорить о Русскихъ то же, что говорилъ Наполеонъ о Французахъ, что они у ней въ карманѣ.

Стр. 349: Близость моя къ Государю и мое назначеніе на весьма высокій государстаенный постъ,—что было вполнѣ дѣломъ Александра,—возбуждали постоянныя противъ него обвиненія и осужденія. Еслибъ я получилъ какое бы то ни было почетное званіе безъ всякаго существеннаго значенія, то это не тревожило бы Русскихъ; но они не могли допустить, чтобы я занималъ высшее въ Россіи служебное положеніе. Возможно-ли, чтобы Полякъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Императора и былъ посвященъ во всѣ государственныя тайны?! Такой небывалый случай былъ для Русскихъ совершенно непонятнымъ и противорѣчилъ ихъ чувствамъ и убѣжденіямъ. Благоволеніе, которое мнѣ оказывалъ Императоръ, давало неистощимый поводъ къ подозрѣніямъ, злословіямъ и клеветамъ, распространявшимся на меня въ русскомъ обществѣ. Родители мои никогда не скрывали своего глубокаго отвращенія къ русской

предполагалъ учредить въ С.-Петербургѣ изъ вліятельнѣйшихъ Поляковъ комитетъ для обсужденія Польскаго вопроса. М. М. Сперанскій подалъ по этому случаю Государю собственноручную записку, въ которой говоритъ слѣдующее: „Графъ Огинскій изготовилъ уже списокъ людей примѣчательныхъ. Сообразивъ сей списокъ съ тѣмъ, который доставленъ былъ отъ Северина Потоцкаго, кажется, легко будетъ сдѣлать хорошій выборъ. Председателемъ сего комитета полезно было бы назначить графа Завадовскаго . . . . . Поляки его уважаютъ и любятъ, а для нихъ было бы сіе полезно тѣмъ, что преградило бы разные толки о семъ комитетѣ" (см. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива перваго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи", выпускъ первый, 1876 года, стр. 216).

власти; ихъ имѣнія были у нихъ отняты за ихъ прямое участіе въ польскихъ возстаніяхъ. Возможно-ли, чтобы ихъ сынъ, который также не скрываетъ своего польскаго патріотизма, открыто имъ гордится и доказываетъ это на дѣлѣ, давая рѣшительное національное направленіе народному образованію въ подчиненныхъ ему училищахъ,—возможно-ли, чтобъ этотъ молодой человѣкъ овладѣлъ безграничнымъ довѣріемъ Государя и вліялъ на его рѣшенія? Все это давало поводы обвинять меня въ неискренности, въ измѣнѣ русскимъ интересамъ, въ тайныхъ замыслахъ служить Польшѣ и въ рѣшимости злоупотреблять для этого и дружбой Государя и обязанностями министра. На такую богатую тему можно было сочинять что̀ угодно, и дѣйствительно сочиняли......

Императоръ иначе смотрѣлъ и не находилъ, чтобы интересы Россіи противорѣчили интересамъ Польши. Можетъ быть, онъ еще недостаточно уяснилъ себѣ этотъ важный предметъ, видѣлъ его въ отдаленіи и не сознавалъ еще надобности безотлагательно заняться его изученіемъ. Въ то же время онъ охотно пользовался моею полною готовностью искренно ему служить и признавалъ вполнѣ справедливымъ вознаградить меня за мою къ нему преданность предоставленіемъ мнѣ нѣкоторой свободы дѣйствовать по моему усмотрѣнію въ находившихся въ его власти польскихъ провинціяхъ. Само собою разумѣется, что я воспользовался счастливымъ расположеніемъ Государя и главное мое усиліе направилъ на народное образованіе, которому я далъ національный характеръ и которое я преобразовалъ на болѣе широкихъ и соотвѣтственныхъ современнымъ потребностямъ основаніяхъ. Русскіе не могли понимать моихъ отношеній къ Александру. Дѣйствительно, эти отношенія могли быть объяснены только нашею юностью и тѣмъ, что мы сблизились и узнали другъ-друга въ тѣ годы, когда великодушныя увлеченія сильнѣе разсчетовъ холоднаго разсудка и предусмотрительности.

ИЗЪ ГЛАВЫ XI.

1804 — 1805 годы.

Стр. 360—361: Теперь наступила самая знаменательная эпоха въ моей жизни. До сей минуты я былъ вторымъ лицомъ въ министерствѣ, но теперь вся отвѣтственность пала на одного меня. Канцлеръ намѣревался удалиться отъ дѣлъ на нѣкоторое только время; но Императоръ пожелалъ, чтобы это было окончательное

его увольненіе; онъ рѣшился непремѣнно ввѣрить мнѣ управленіе иностранными дѣлами. Это была одна изъ тѣхъ прихотей, которыя часто въ немъ проявлялись, и онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока его желаніе не исполнилось. Когда имъ овладѣвало такое неодолимое желаніе, ... то онъ ..... не думалъ о томъ, будетъ-ли это хорошо или дурно, полезно или вредно; онъ заботился только объ устраненіи всякихъ препятствій. Затѣмъ, достигнувъ цѣли, онъ успокоивался, становился иногда равнодушнымъ, а иногда впадалъ въ противорѣчіе съ самыми пламенными своими желаніями.

Канцлеру положительно объявили, что его здоровье требуетъ на нѣкоторое время отдыха. Надо было замѣстить его другимъ лицомъ. Я спросилъ его: кого желаетъ онъ имѣть своимъ замѣстителемъ?—„Разумѣется, васъ", сказалъ онъ: „такъ должно быть въ служебномъ порядкѣ, да иначе и быть не можетъ". Я замѣтилъ выше, что таково было и желаніе Императора, самое рѣшительное и настойчивое. Что мнѣ было дѣлать? Слѣдовало-ли принять такую трудную и опасную должность? Не слѣдовало-ли, напротивъ того, все бросить и удалиться? Но вотъ какъ взглянулъ я на это дѣло: я ничего не достигъ, занимая второе мѣсто; если же я займу первое мѣсто, то подозрѣнія и клеветы, которыми меня теперь преслѣдуютъ, конечно, не уменьшатся, но зато и не увеличатся; отказаться теперь—значило бы признать себя неспособнымъ и безсильнымъ бороться съ трудностями. Къ такому соображенію, задѣвавшему мое самолюбіе, присоединилась мысль болѣе возвышенная и совершенно помирившая меня съ моею совѣстью: я утѣшалъ себя надеждой установить такую, основанную на законахъ справедливости, политическую систему, которая бы со временемъ благотворно повліяла на судьбы Польши... Я уже тогда предвидѣлъ разрывъ съ Франціею. Русскіе подозрѣвали меня, будто я желаю направить политику Россіи къ союзу съ Наполеономъ, между тѣмъ какъ это было совершенно не въ моихъ видахъ, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что сближеніе этихъ двухъ имперій могло быть только пагубно для Польши.

Дружба ко мнѣ канцлера и его вліятельная поддержка способствовали устраненію всякихъ противодѣйствій, направленныхъ со стороны старыхъ русскихъ дипломатовъ противъ молодаго Поляка, власти и руководству котораго они должны были подчиняться.

истинные враги православія пожинали плоды въ этомъ ненадежномъ и колеблющемся положеніи дѣлъ".

1837 годъ, стр. 23, изъ записки № 5—о состояніи Бѣлорусской и Литовской уніатскихъ епархій:[1] „Я всегда считалъ уніатское дѣло совершенно легкимъ; обстоятельства, вовсе отъ меня не зависѣвшія, нѣсколько лишь оное запутали и продлили. Я всегда думалъ, что оно будетъ еще средствомъ обращенія къ Православной Церкви Римлянъ, въ Россіи находящихся, происшедшихъ въ большей половинѣ изъ совращенныхъ русскихъ православныхъ или уніатовъ..... Главное, чтобы одни государственныя управленія не уничтожали дѣйствій другихъ управленій и чтобы одна твердая и благоразумная рука направляла къ одной благой цѣли греко-россійское, уніатское и римское духовенства"....

1841 годъ, стр. 164, изъ письма отъ 1 мая къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову. Посылая ему „полученное письмо одного римскаго ксендза", Іосифъ Сѣмашко замѣчаетъ: „Я давно увѣренъ, что по крайней мѣрѣ половина бѣлаго римскаго духовенства подобнаго образа мыслей. Одно несчастіе, что у насъ въ Россіи начальствующее римское духовенство избирается какъ-бы иностраннымъ правительствомъ, въ духѣ римскаго двора и польской партіи".

1845 годъ, стр. 303, изъ записки, посланной министру Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскому: „Масса здѣшняго народа русскаго и литовскаго находится въ совершенно страдательномъ положеніи и скорѣе привержена къ Русскому правительству, нежели непріязненна. Средній классъ, считающійся польскимъ, такъ же равнодушенъ къ политическимъ теоріямъ и отклоняется отъ Руси не столько духомъ, сколько недовѣрчивостію. Такъ-называемая польская, или, лучше сказать, иностранная партія состоитъ изъ довольно ограниченнаго числа лицъ, которыхъ легко сосчитать. Но, по какому-то фатализму, симъ-то именно лицамъ предоставлялось полное вліяніе на дѣла. Больно и смѣшно было видѣть, какъ изъ сотни людей избирался тотъ единственный человѣкъ, который имѣлъ намѣреніе вредить правительству; какъ ему отдаваемы были въ распоряженіе матеріальные и нравственныя способы для дѣйствій въ духѣ польской

[1] Объ этой „запискѣ" митрополитъ Іосифъ въ 1 томѣ, на стр. 109, говоритъ слѣдующее: „Еслибъ изъ всѣхъ документовъ по уніатскому дѣлу осталась одна только эта занимательная записка, то и тогда можно было бы имѣть вѣрное понятіе о ходѣ уніатскаго дѣла за все предыдущее время".

могъ я говорить только о Грекахъ и Славянахъ, такъ какъ это совпадало съ желаніями и мечтами Русскихъ, но само собою разумѣется, что это относилось также и къ Польшѣ. Мы одинаково это подразумѣвали, но мы условились избѣгать на время упоминанія о моемъ отечествѣ.

Можно было бы извлечь изъ воспоминаній князя Чарторыйскаго весьма много такихъ же любопытныхъ разсказовъ; но мы ограничимся приведенными выдержками, такъ какъ онѣ достаточно раскрываютъ нравственныя качества, политическія убѣжденія и сокровенные замыслы человѣка, которому Императоръ Александръ ввѣрилъ управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и народнымъ образованіемъ въ пограничныхъ Западныхъ губерніяхъ.

Въ началѣ своего царствованія Императоръ Александръ,— какъ о томъ свидѣтельствуетъ князь Адамъ Чарторыйскій,—сочувствовалъ мыслямъ графа Кочубея о невмѣшательствѣ въ постороннія дѣла и о направленіи государственныхъ заботъ къ благоустройству Россіи и къ развитію ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Къ несчастію, онъ вскорѣ увлекся внушеніями князя Чарторыйскаго, желавшаго, чтобы силы Россіи были направлены къ возстановленію Польши, или, какъ онъ выражался, „къ освобожденію народовъ, несправедливо лишенныхъ политическаго существованія". Нѣтъ сомнѣнія, что если бы дипломатическими дѣлами и сношеніями съ иностранными кабинетами продолжалъ завѣдывать графъ Кочубей, то внѣшняя наша политика слѣдовала бы направленію, болѣе согласному съ дѣйствительнымъ благомъ Русскаго народа, и избавила бы Россію отъ длиннаго ряда разорительныхъ и безполезныхъ для нея войнъ.

Письмо къ Императору Александру нашего знаменитаго исторіографа Н. М. Карамзина отъ 17 октября 1819 года даетъ понятіе о томъ, какъ смотрѣлъ на Польскій вопросъ Государь, воспитанный въ космополитическихъ идеяхъ наставникомъ своимъ, республиканцемъ Лагарпомъ. Приведемъ наиболѣе характерныя выдержки изъ этого замѣчательнаго письма:

„Государь! Въ волненіи души моей, любящей отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли...; какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

„Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ... Мы сблизились съ небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. „Царство Мое нѣсть отъ міра сего", сказалъ Христосъ; а *граждане* и *государства*—въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ, но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ войскамъ оборонять государство. Вы христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи... Вы исполняете законъ государственной... естественной обороны, необходимой для существованія... гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ — любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ вамъ царство и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность *исключительно заниматься благомъ онаго*... Если мы захотимъ быть христіанами-политиками, то впадемъ въ противорѣчія, въ несообразности. Меня ударятъ въ ланиту,—я, какъ христіанинъ, долженъ подставить другую; непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ-ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ?.. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и ваши подданные, дѣти вашего сердца... Вы думаете возстановить древнее королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно-ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно-ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и съ самою справедливостію? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ-ли добровольно Галицію? Можете-ли Вы, творецъ священнаго союза, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ австрійскимъ. Во-вторыхъ, можете-ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденныя въ собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся-ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ?.. Бѣлоруссія, Волынь, Подолія вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ... Уподобите-ли Россію бездушной, безсловесной собственности? будете ли-самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудится? Россія, Государь, безмолвна предъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпри-

страстнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества—доброй сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить вамъ Поляки. [1] Извиняемъ ихъ; но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы, для ихъ рукоплесканій, ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю, остыли бы душой къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ, унизились бы не только предъ другими, но и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ. Вы бы и тогда имѣли министровъ, генераловъ: но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ рабы. А вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ,—и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину,—однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу. [2] Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками... Государь, Богъ Вамъ далъ такую славу и такую державу, что Вамъ, безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикой, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый—безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ, второе — хорошими законами и еще лучшею управой"...

Русскій по душѣ и воспитанію и глубоко изучившій исторію своего народа, Н. М. Карамзинъ, обращаясь съ такою смѣлостью къ безпредѣльно-любимому имъ Государю и открывая ему свои задушевныя убѣжденія, имѣлъ полное право сказать о себѣ: „я слышу Русскихъ и знаю ихъ". Но Карамзинъ также хорошо *слышалъ* и *зналъ* душу и сердце Императора Александра I,—а потому и рѣшился такъ безстрашно высказать ему мысли, совершенно противоположныя его взглядамъ и намѣреніямъ.

---

[1] Въ этихъ словахъ прямой намекъ на князя Чарторыйскаго.
[2] Это пророчество Н. М. Карамзина буквально сбылось въ 1831 году.

чтобъ эта партія сама собою была теперь столько сильна матеріально, дабы слишкомъ безпокоить правительство. Но въ случаѣ движенія на Россію всего Запада, не приготовлено-ли въ здѣшней странѣ для враговъ самое благопріятное управленіе? и не лишено-ли правительство нужныхъ орудій для полезнаго въ ней дѣйствія во все теченіе могущихъ продолжаться военныхъ происшествій и въ случайныхъ обстоятельствахъ? Объ этомъ, кажется, стоитъ подумать. Стоитъ подумать и о томъ, что гражданское управленіе не формируется такъ скоро и удобно, какъ переформированъ Литовскій корпусъ въ 1830 году.

„Сохрани Господи, чтобъ все прописанное выше было перетолковано во вредъ и недоброжелательство къ здѣшнимъ чиновникамъ изъ Поляковъ и Латинянъ. Они не менѣе другихъ могутъ служить государству съ честію и пользою по другимъ областямъ. Но въ здѣшней странѣ они связаны личными соотношеніями, связаны общественнымъ мнѣніемъ, которое указываетъ не на Россію, а на Польшу, и по необходимости должны,—разумѣется, не безъ исключеній,—быть орудіями видовъ Латино-Польской партіи и Римскаго духовенства.

„Пишу это вашему сіятельству не какъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, но какъ ближайшему слугѣ Государя Императора. Здѣсь уже дѣло не объ участи какого-нибудь митрополита Іосифа или семисотъ тысячъ возсоединенныхъ. Теперь дѣло не въ томъ, пріятнѣе-ли здѣшнимъ правителямъ держаться партіи сильной, богатой и съ вліяніемъ, но въ томъ, чтобы десятимилліонную массу Русскаго и Литовскаго народа въ Западныхъ губерніяхъ обезпечить на пути долга при всякихъ могущихъ возникнуть случайностяхъ и охранить отъ чуждаго вліянія“.

1857 годъ, стр. 620, изъ отзыва къ министру государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьеву:

„Вы изъявили желаніе знать взглядъ мой по вопросу на счетъ преподаванія въ приходскихъ училищахъ Виленскаго генералъ-губернаторства Польскаго и Самогитскаго языковъ. Этотъ вопросъ разрѣшить не трудно однимъ взглядомъ на этнографическую карту здѣшняго края. Въ трехъ губерніяхъ, составляющихъ Виленское генералъ-губернаторство, рѣзко отмѣчены почти двѣ равныя половины: съ одной стороны населеніе Русское, Бѣлорусскаго или Малороссійскаго нарѣчія, а съ другой—народонаселеніе нарѣчія Литовскаго и Самогитскаго съ подраздѣленіями на мѣстные говоры. Польскимъ языкомъ говорятъ между собою помѣщики и нѣкоторая часть образованнаго и зажиточ-

правительства. Въ августѣ 1831 года, передъ взятіемъ Русскими войсками Варшавы, онъ отказался отъ званія президента, поступилъ рядовымъ солдатомъ въ корпусъ генерала Ромарино, а потомъ къ Рожинскому, и перешелъ съ ними въ Австрію. Вскорѣ затѣмъ онъ переселился на постоянное жительство въ Парижъ, гдѣ и провелъ послѣднія слишкомъ тридцать лѣтъ своей жизни. Hôtel Lambert, въ которомъ онъ проживалъ, сдѣлался пріютомъ Польскихъ эмигрантовъ и центромъ, руководившимъ политическими возстаніями и пропагандою противъ Россіи. Князь Чарторыйскій умеръ въ 1862 году въ Монмиралѣ, близъ Парижа, проживъ почти девяносто два года и сохранивъ до послѣдняго дня вѣрность Польскимъ политическимъ мечтамъ и ненависть къ Россіи.

Въ любопытной, составляющей нынѣ библіографическую рѣдкость, книгѣ Н. В. Гоголя, изданной въ 1867 году въ Вильнѣ, вторымъ дополненнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный ржондъ“, напечатана рѣчь, произнесенная княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ въ Парижѣ, въ торжественномъ собраніи членовъ Польскаго историко-литературнаго общества 17—29-го ноября 1844 года, въ годовщину Польскаго митежа 1830—31 годовъ. Князь Чарторыйскій излагаетъ въ этой рѣчи планъ, какъ, по его мнѣнію, должно быть ведено дѣло возстановленія Польши.

„Въ Польшѣ, говоритъ онъ, находятся въ разныхъ мѣстностяхъ мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и осторожнаго ума, непоколебимой твердости и неутомимой настойчивости, издавна одушевленные призваніемъ быть въ своемъ повѣтѣ, воеводствѣ или цѣлой провинціи и въ окружающей ихъ средѣ руководителями своихъ собратій въ святомъ дѣлѣ освобожденія отечества. Такое призваніе составляетъ главную цѣль ихъ жизни, единственный предметъ ихъ помысловъ, усилій и жертвъ. Довольно двадцати такихъ людей. Они образуютъ, каждый въ своей мѣстности, тѣ опорные столпы, тотъ фундаментъ, на которомъ прочно и стройно должно воздвигаться зданіе будущей свободной Польши.

„Великая мысль, величіе предпріятія, начатаго во имя Бога и отчизны, чистая любовь и несокрушимая твердость воли— должны обильно и плодотворно служить успѣху дѣла.

„Руководители указываютъ способы и средства, пріискиваютъ даже между врагами союзниковъ, которые безсознательно являются въ общей работѣ полезными сотрудниками. Общественное

мнѣніе, умѣлымъ образомъ направляемое, развивается, усиливается, укореняется и также помогаетъ успѣху.

„Каждый руководитель, исподволь пріобрѣтая въ своей мѣстности довѣріе и значеніе, подготовляетъ и пріискиваетъ способныхъ помощниковъ и обдумываетъ, въ какое время и кому поручить исполненіе того или другаго дѣла. Онъ удерживаетъ и обуздываетъ нетерпѣливыхъ и неблагоразумныхъ, которыхъ преждевременныя и безумныя выходки мѣшаютъ правильному ходу дѣла и уничтожаютъ вѣрнѣйшія Польскія надежды.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается во всѣхъ направленіяхъ, охватываетъ всѣхъ, царитъ надъ всѣми и никому не даетъ ни покоя ни отдыха".

Изложивъ такимъ образомъ свой планъ подготовленія всѣхъ Польскихъ провинцій къ возстанію, князь Чарторыйскій продолжаетъ:

„Теперь я предполагаю чудо, истинное чудо, именно: предполагаю, что всѣ мѣстные руководители устремятся къ одной цѣли и изберутъ *одну власть* для того, чтобы единодушно повиноваться ей, подчинить ей свои частныя усилія, произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Тогда въ одинъ мигъ возстанетъ вся Польша; не будетъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской мызы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать—изъ-за каждаго куста, выступитъ вооруженный воинъ. Со всѣхъ сторонъ аттакованный, пришелецъ будетъ поставленъ въ недоумѣніе, куда направить свои дѣйствія. Если одновременно, по указанію единой, центральной власти, возстанетъ народъ и подниметъ оружіе,—тогда успѣхъ несомнѣненъ. Но (замѣчаетъ князь Чарторыйскій) *это условіе трудно исполнимо, особенно между нами.*

„Когда Европа убѣдится, что въ насъ есть сила и способность къ самостоятельности и къ самоуправленію, которыхъ нельзя разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это случилось въ 1831 году, то она выступитъ со своимъ посредничествомъ, придетъ къ намъ на помощь, остановитъ кровопролитіе и громко провозгласитъ, что Польша есть нація самостоятельная и что никому не принадлежитъ право лишать ее достигнутой ею самостоятельности..."

Въ этой рѣчи замѣчательно то, что князь Чарторыйскій, зная нравственныя качества и характеръ своихъ соотечественниковъ, ихъ рознь, наклонность каждаго повелѣвать и первенствовать,

но не подчиняться, и страсть къ политическимъ смутамъ, самъ признаетъ свои мысли о необходимости добровольнаго подчиненія Поляковъ единой власти „трудно исполнимою“ мечтою и „чудомъ“.

Мы извлекли изъ автобіографіи князя Адама Чарторыйскаго самыя характерныя его черты и его же словами представили его нравственный обликъ. Онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ въ Россіи политическихъ дѣятелей въ ту тревожную и наполненную кровавыми войнами эпоху, когда двигателями великихъ событій, колебавшихъ всю Европу, были императоры Наполеонъ и Александръ. Князь Чарторыйскій занимаетъ безспорно первое мѣсто между всѣми современными ему и послѣ него явившимися польскими политическими дѣятелями XIX столѣтія, служившими и нынѣ служащими идеѣ возрожденія независимой Польши въ предѣлахъ 1772 года. Овладѣвъ впечатлительною душой Императора Александра и воспользовавшись его дружбою и довѣріемъ, онъ воскресилъ на всемъ пространствѣ бывшей Рѣчи Посполитой угасавшую польскую политическую идею, далъ ей жизнь и силу и блистательно оправдалъ надежды польскихъ патріотовъ. Свыше двадцатипятилѣтнее управленіе его Виленскимъ учебнымъ округомъ ознаменовалось небывалымъ энергическимъ подъемомъ польской культуры. Виленскій Университетъ, обогащенный щедрыми дарами и благоволеніемъ Императора Александра, сдѣлался средоточіемъ знаменитѣйшихъ польскихъ писателей, агитаторовъ и ученыхъ, и всѣ зависѣвшія отъ Виленскаго Университета учебныя заведенія сдѣлались очагами политической пропаганды, враждебной Россіи.

Поляки имѣютъ полное право гордиться княземъ Адамомъ-Георгіемъ Чарторыйскимъ и благоговѣть передъ его памятью.

Считаемъ необходимамъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какой порядокъ завѣдыванія школами существовалъ въ западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго учебнаго округа, и какой новый порядокъ управленія общественнымъ образованіемъ введенъ въ этихъ губерніяхъ княземъ Чарторыйскимъ, а также— что было сдѣлано имъ при вступленіи въ управленіе округомъ для усиленія ученаго значенія, власти и нравственнаго вліянія Университета на весь Западный край.

До учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія и от-

сцену другихъ враговъ, которые оказались въ рядахъ нашихъ союзниковъ: это были Поляки.

„Сынъ одного изъ ихъ королей, маршалъ Саксонскій, былъ правъ, говоря, что „Поляки суть величайшіе въ свѣтѣ грабители и не пощадятъ имущества даже роднаго отца". Понятно, что Поляки, служившіе въ нашихъ рядахъ, смотрѣли на имущество своихъ бѣдствующихъ сослуживцевъ такими же глазами. Въ походахъ и на бивакахъ они таскали все, что попадалось имъ подъ-руку. Но такъ какъ мы стали ихъ остерегаться и оттого имъ стало труднѣе воровать по мелочамъ, то они придумали грабить въ большихъ размѣрахъ. Они раздѣлились на нѣсколько бандъ. По ночамъ, нахлобучивъ на себя вмѣсто форменныхъ касокъ мужицкія шапки, они пробирались тайкомъ изъ своихъ биваковъ на заранѣе условленное мѣсто и, собравшись, бросались оттуда на наши лагерныя стоянки, крича по-казацки: „ура! ура!" Многіе пугливые люди разбѣгались въ страхѣ, бросая свои пожитки, возы и провизію, а ложные казаки, пользуясь суматохой и награбивъ, что можно, возвращались до разсвѣта въ бараки, гдѣ они опять дѣлались Поляками—съ тѣмъ, чтобы на слѣдующую ночь снова превратиться въ казаковъ.

„Удостовѣрившись въ несомнѣнности такого отвратительнаго разбоя (affreux brigandage), многіе генералы и полковые командиры рѣшили положить ему конецъ. Генералъ Мэзонъ приказалъ устроить бдительный надзоръ вокругъ биваковъ 2-го корпуса. Однажды ночью наши часовые подстерегли около полусотни Поляковъ въ ту минуту, какъ они, вздумавъ играть роль ложныхъ казаковъ, приготовились закричать „ура!" и броситься на грабежъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, эти негодяи имѣли наглость утверждать, что они хотѣли только „пошутить". Но какъ тогда было не время и не мѣсто шутить, то генералъ Мэзонъ приказалъ ихъ всѣхъ немедленно разстрѣлять. Съ тѣхъ поръ мы избавились на нѣкоторое время отъ такихъ воровъ, но потомъ они снова явились".

Въ дополненіе къ приведеннымъ нами историческимъ показаніямъ, полагаемъ не лишнимъ представить нѣсколько извлеченій изъ сочиненія С. М. Соловьева: „Императоръ Александръ Первый. Политика-дипломатія. 12-е декабря 1877. С.-Петербургъ".

Говоря о событіяхъ 1804 и 1805 годовъ и упоминая о лицахъ, особенно приближенныхъ къ Императору Александру I:

князѣ Чарторыйскомъ, Новосильцевѣ и графѣ Строгановѣ, которыхъ называли „неразлучными“ (inséparables), нашъ историкъ замѣчаетъ:

Стр. 66: „Людей, близкихъ къ Государю, тяготилъ упрекъ, что русское правительство заботится только объ общемъ благѣ Европы и пренебрегаетъ прямыми русскими интересами. Эти упреки были особенно чувствительны Чарторыйскому, какъ завѣдывавшему иностранными дѣлами и какъ человѣку не русскому, поляку, знавшему за собой вину относительно Россіи—въ исключительности помысловъ о возстановленіи Польши“.

Стр. 78: „Воронцовы руководились русскими интересами, тогда какъ поляку Чарторыйскому до русскихъ интересовъ было мало дѣла. Жозефъ де-Мэстръ оставилъ о Чарторыйскомъ такую замѣтку: „онъ высокомѣренъ, скрытенъ, отталкиваетъ отъ себя; сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣющій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ русскимъ“. Чарторыйскій ненавидѣлъ Пруссію, какъ главную виновницу паденія Польши, и во враждебномъ столкновеніи съ Пруссіей видѣлъ средство возстановленія Польши во всей ея цѣлости“.

Стр. 108 и 109. Въ 1806-мъ году „въ Россіи произошла важная перемѣна: Чарторыйскій просилъ уволить его отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, получилъ увольненіе и былъ замѣненъ баромъ Будбергомъ“.

Впрочемъ, и послѣ увольненія своего изъ министерства, Чарторыйскій продолжалъ еще очень долго оставаться при Александрѣ I въ числѣ „неразлучныхъ“.

Стр. 139—140: „Между Будбергомъ и Чарторыйскимъ была вражда. Кромѣ разницы во взглядахъ, Чарторыйскій питалъ естественное нерасположеніе къ человѣку, его замѣнившему, а Будбергу было непріятно, что эксъ-министръ все еще пользуется большимъ значеніемъ. Будбергъ твердилъ, что у Чарторыйскаго одно въ головѣ: возстановленіе Польши“.

Стр. 201: „Съ ранней молодости польскій вопросъ сильно занималъ Императора Александра; но нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи онъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ Чарторыйскаго. Послѣдній, какъ человѣкъ, помѣшанный на вопросѣ, могъ только наскучить Александру своею навязчивостью. По поводу польскаго вопроса мы ясно видимъ въ Чарторыйскомъ человѣка, страстно относящагося къ дѣлу, а въ Александрѣ—человѣка, спокойно обдумывающаго его“.

ніе не русское, а римско-католическое, на которое польскіе патріоты имѣли большое вліяніе.

„Но какъ устранить вліяніе полонизма въ Западныхъ губерніяхъ? Неужели Россія огромною своею благоустроенною и однородною массой не сможетъ слить съ собою единокровныя провинціи, а напротивъ, дозволитъ усиливаться въ нихъ чуждымъ элементамъ? Отчего же Пруссія въ короткое время успѣла уже на половину онѣмечить доставшихся ей на долю настоящихъ Поляковъ?

„Въ западныхъ губерніяхъ болѣе шести милліоновъ русскаго православнаго народа, враждебнаго полонизму: кажется, есть на что опереться Россіи! Здѣсь же съ небольшимъ два милліона только римскихъ католиковъ, и они вообще состоятъ изъ Литовцевъ и Русскихъ совращенцевъ. Говорящихъ по-польски едва наберется и двѣсти тысячъ, какъ настоящихъ Поляковъ, такъ и выродившихся изъ Русскихъ и Литовцевъ. Кажется, ничтожная опора для полонизма! Дѣйствительно, ничтожная противъ Россіи дѣйствующей, но вовсе не ничтожная противъ Россіи равнодушной, дремлющей.

„Во 1-хъ, эта, повидимому, небольшая фаланга такъ-называемыхъ Поляковъ состоитъ исключительно изъ помѣщиковъ и другихъ зажиточныхъ людей, сплочена въ одну партію и дѣйствуетъ по одной системѣ, по одному инстинкту.

„Во 2-хъ, партія эта, посредствомъ римско-католическаго духовенства, опирается на два милліона литовскаго народа сего исповѣданія. Совокупность усилій сихъ двухъ элементовъ на поддержаніе и развитіе полонизма удивительна. Духовенство старается теперь всѣми силами, чтобы въ приходскія училища между Литовцами и Русскими введенъ былъ польскій языкъ. Довольно было явиться въ Вильнѣ новому періодическому изданію на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Тека", и всѣ уѣздные предводители дворянства западныхъ губерній приняли на себя трудъ собирать подписчиковъ на это изданіе.

„Въ 3-хъ, эта польская партія полагается на содѣйствіе въ Царствѣ Польскомъ и на сочувствіе иностранцевъ, поддерживающихъ все враждебное Россіи.

„Въ 4-хъ, эта партія опирается также на западную римско-католическую пропаганду, ратующую искони противъ Востока.

„Въ 5-хъ, эта партія пользуется нѣкоторымъ сочувствіемъ прочихъ иновѣрцевъ и инородцевъ въ Россіи, предъ которыми старается выказать себя жертвой преслѣдованія, и даже участі-

20) Тоже 1844, ibid.
21) » z roku 1845, 3-go maia.
22) » 29 listopada 1848 r. Paryż, 1848, in 8°, стр. 15.
23) » 1855, 29 listop.
24) » na posiedzeniu Tow. histor. liter. dnia 3 maja 1857 r. Paryż, in 8°.
25) » dnia 29 listopada 1857. Paryż, 1857, in 8°.
26) » miana 3-go maja 1858 r.
27) » miana 3-go maja 1859 r.
28) » 29-go listopada 1860 r.
29) » dnia 3-go maja 1861 roku. Paryż, 1861.
30) Mowy od r. 1838—1847, in 16°.
31) Myśli dążące do zamiaru polepszenia bytu włościan Polskich i podania im środków dojścia stopniami do niepodległości bez szkody właścicieli (1814). In fol.
32) Odezwa do kochanych rodaków. Sierpień. Paryż, 1859.
33) Pochwała Jana Pawła Woronicza, czytana na posiedzeniu Towarzystwa przyjaciół nauk dnia 30 kwietnia 1830 r. przez.... członka tegoż Towarzystwa. W Puławach, b. w. r.
34) Тоже, 2-ое изданie. Puławy, 1830.
35) Prezes Towarzystwa historycznego Polskiego, do rady i Towarzystwa. Paryż, 1852, стр. 11.
36) Rede bei der Proclamirung der von Sr. Majestät dem Kaiser aller Russen und Könige von Polen dem Königreiche Polen allergnädigst ertheilten Verfassungs-Urkunde und deren Niederlegung im Senate, gehalten von Seiner Durchlaut dem Fürsten..... In 4°, стр. 4.
37) Sprawozdanie Towarzystwa historycznego Polskiego w Paryżu r. 1852, czytane przez... Paryż, 1853.
38) Zbiór mów, mianych od 1838—1847 r. Paryż, 1847, in 12°.
39) Zdanie o rapporcie rady stanu z dwuletnich czynności rządu, w imieniu połączonych kommissyj sejmowych Senatu przez księcia..... senatora wojewodę na posiedzeniu 24 kwietnia czytane. 1818.
40) Żywot Juliana Ursyna Niemcewicza. Z portr. Niemcew. Paryż, 1860.
41) Czartoryski Fürst Adam Georg und seine Stellung zur Sache Polens. I—Biographische Skizze über den Fürsten. II—Reden des Fürsten an die polnische Emigration. Leipzig, Biedermann, 1848, in 8°, стр. 168 (оттискъ изъ «Unsere Gegenwart»).
42) Тоже, 2-te Auflage. Ibid., 1848, стр. 168.
43) Adres Towarzystwa insurrekcijno-monarchicznego 3-go maja do x. Ad. Czartoryskiego. Paryż, 1846.
44) Akt z r. 1834 przeciw Adamowi Czartoryskiemu, wyobrazicielowi systemy Polskiej arystokracyi. Poitiers, 1839, in 8°, стр. 35 (два изданія).
45) Bard Polski (x. Ad. Czartoryski) 1795. Paryż, 1860.
46) Développement de la protestation de 3.076 émigrés Polonais contre l'immixtion de la famille Czartoryski dans les affaires de Pologne (traduit du «Wiadomości Polskie» 10 janvier). Bruxelles, 1855.

47) Instytucye naukowe i dobroczynne założone i wspierane przez xx. Czartoryskich w Paryżu w czasie emigracyi. Paryż, 1862.
48) Towarzystwo historyczno-literackie Polskie w Paryżu do rodaków w kraju i za granicą (o składkę na pomnik dla x. A. Czartoryskiego). Paryż, 1866.
49) Złożenie medalu x-ciu Adamowi Czartor. 1847.
50) Czartoryski, Ad. J. Portofolio, Paris, 1837 (5 томовъ документовъ историческ. и дипломатическихъ).
51) *Zaleski, Br.* Żywot ks. Ad. Jerz. Czartoryskiego. Poznań, 1881, t. 2.
52) » Ks. Adama Czartoryskiego ministerstwo spraw zagranicznych w Rossyi, odczyt. Przegl. Polski, 1878, III.
53) *Koźmian, Kaj.* Biografia ks. Ad. Czartorysk., jenerała ziem Podolskich. Dod. do Czasu, 1857, VIII.
54) *Żmigrodzki, M.* Zasady pedagogiczne ks. Adama Czartoryskiego. Przewodnik naukowo-literacki, 1885.
55) *Felix, R. P.* Le prince Adam Czartoryski, discours prononcé le 22 mai 1862 dans l'église de Montmorency à l'occasion du service annuel pour les émigrés Polonais morts en France. Paris, 1862.
56) *Jełowicki, Aleks.* Mowa na cześć ks. Adama Czartoryskiego (urodz. 14 stycznia 1770, † 15 lipca 1861), miana w Paryżu na uroczystem nabożeństwie żałobnem w kościele Wniebowzięcia (de l'Assomption). Paris, 1861, съ портрет.
57) *Kajsiewicz, Hieron.* Mowa pogrzebowa po św. p. Adamie Jerzym księciu Czartoryskim, byłym półkowniku wojsk Polskich, byłym ministrze spraw zagranicznych cesarstwa Rossyjskiego, byłym kuratorze szkół okręgu Wileńskiego, byłym naczelniku rządu narodowego etc. etc., zmarłym na wygnaniu d. 15 lipca 1861 r., powiedziana 15 stycznia 1862 r. w Paryżu. Poznań, 1862, стр. 32.
58) Instrukcya dla honorowych szkół dozorców, ustanowionych ukazem Naywyższym dn. 26 sierpn. 1811 r. Druk. Glücksberga, Warsz., in fol.
59) Lettre aux Polonais. Paris, 16 août 1854. In 8°.
60) Lettre du prince A. Cz. à lord Dudley-Stuart, membre de Parlament, à l'occasion du dîner à Londres par la Société des amis de la Pologne. Paris, le 24 mars 1854.
61) Тоже по-Англійски: Lettre of the Prince etc. etc.
62) Mowa księcia Ad. Cz., miana na posiedzeniu dorocznem Towarzystwa historyczno-literackiego w dniu 29 listopada 1854 r. w Paryżu.
63) Mowa jo..... marszałka sejmu, miana na pierwszej sessyi dnia 26 czerwca r. 1812 w Senacie. На оборотѣ: Tegoż mowa w Izbie poselskiej, miana dn. 26 czerwca 1812.
64) Mowa xięcia kuratora Imperatorskiego Wileńskiego uniwersytetu i szkół jego wydziału po skończonych w gimnazyum Wołyńskiem popisach publicznych, przy rozdaniu medalów uczniom celującym, miana w Krzemieńcu dn. 30 czerwca 1818 roku (druk. nazajutrz w typogr. w Krzemieńcu).
65) [Niektóre myśli co do biegu służby publicznej w emigracyi.] Odezwa dd. Montfermeil 14 lipca 1861. Paris.

66) Odezwa w przedmiocie zniesienia pańszczyzny na Rusi i na Litwie. [*Początek:* Nie ma na kuli ziemskiej.....] Październik 1858 r. Adam Czartoryski. Paris, imprimerie de L. Martinet, 1858, in 4°, str. 3. Zarazem: Odezwa w przedmiocie wyboru urzędników na Rusi i na Litwie, oraz składek na zakłady emigracyjne. W sierpniu 1859 r. Paris, 1859.
67) Zbiór pism, tyczących się moralnej edukacyi mlodi korpusu kadetów. Warszawa, 1824, in 8°.
68) Do xiążęcia j. m-ci Adama Czartoryskiego, towarzysza ministra interessów zagranicznych, kuratora uniwersytetu Wileńskiego, od muz Słowiańskich 14 lutego r. 1803. Wilno.
69) Memoryał ze Stambułu przesłany księciu Adamowi Czartoryskiemu (23 września 1855), podpisany: L. Surmacki, pułkown. J. Czajkowski, Fr. Hankowski, S. Gleba, M. Przezdziecki, Kłossowski kapitan i t. d.
70) *Mickiewicz Władysław.* Czartoryski, Wielopolski et Mierosławski. Paris, 1863, in 12°, стр. 60.
71) *Mierosławski, L.* Protestation contre la politique Polonaise des Czartoryski. Bruxelles, 1855.
72) *Niemcewicz, J. Urs.* Biographie du prince Adam Georges Czartoryski, exprésident du gouvernement national de Pologne, publiée par Joseph Straszewicz. Paris, 1835.
73) Тоже, въ Парижѣ 2 раза и въ Лондонѣ, 1835, съ портретомъ.
74) *Ostrowski, Joz. Bol.* Adam George prince Czartoryski. Fragment de l'histoire de Pologne au XIX siècle. Paris, impr. Depée, 1845, стр. 72.

Въ дополненіе къ этому списку приводимъ перечень еще нѣсколькихъ изданій, заключающихъ въ себѣ весьма важные матеріалы и историческія изслѣдованія о князѣ Чарторыйскомъ и его главныхъ сотрудникахъ:

1) Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana. Въ 107 и 108 выпускахъ этого изданія (1895 г.) помѣщена довольно подробная біографія князя А. Чарторыйскаго, составленная *Стан. Кржеминскимъ.*
2) *Gadon.* Ks. Adam Czartoryski. Kraków, 1892.
3) *Dębicki L.* Puławy. 1887—89.
4) X. Hugona Kołłątaja korrespondencya listowna z Tadeuszem Czackim. Z rękopismu wydał *F. Kojsiewicz.* 4 тома. Kraków, 1844—45.
5) O życiu i pismach Tadeusza Czackiego. Соч. *Осинскаго.* Кременецъ, 1816.
6) Pamiętniki o Janie Śniadeckim..... przez *M. Balińskiego.* Два тома. Wilno, 1865.
7) Pisma rozmaite Jana Śniadeckiego. Wilno, 1818.
8) Myśl polityczna z księgi dziejów, cierpień i pracy. Соч. *Юрія Мошинскаго.* Краковъ. Томъ 1-й изданъ въ 1894, томъ 2-й— въ 1895 гг.; 3-й томъ (послѣдній) печатается.

Изъ предисловія ко 2-му т. „Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи".

47) Instytucye naukowe i dobroczynne założone i wspierane przez xx. Czartoryskich w Paryżu w czasie emigracyi. Paryż, 1862.
48) Towarzystwo historyczno-literackie Polskie w Paryżu do rodaków w kraju i za granicą (o składkę na pomnik dla x. A. Czartoryskiego). Paryż, 1866.
49) Złożenie medalu x-ciu Adamowi Czartor. 1847.
50) Czartoryski, Ad. J. Portofolio, Paris, 1837 (5 томовъ документовъ историческ. и дипломатическихъ).
51) *Zaleski, Br.* Żywot ks. Ad. Jerz. Czartoryskiego. Poznań, 1881, t. 2.
52) » Ks. Adama Czartoryskiego ministerstwo spraw zagranicznych w Rossyi, odczyt. Przegl. Polski, 1878, III.
53) *Koźmian, Kaj.* Biografia ks. Ad. Czartorysk., jenerała ziem Podolskich. Dod. do Czasu, 1857, VIII.
54) *Żmigrodzki, M.* Zasady pedagogiczne ks. Adama Czartoryskiego. Przewodnik naukowo-literacki, 1885.
55) *Felix, R. P.* Le prince Adam Czartoryski, discours prononcé le 22 mai 1862 dans l'église de Montmorency à l'occasion du service annuel pour les émigrés Polonais morts en France. Paris, 1862.
56) *Jełowicki, Aleks.* Mowa na cześć ks. Adama Czartoryskiego (urodz. 14 stycznia 1770, † 15 lipca 1861), miana w Paryżu na uroczystem nabożeństwie żałobnem w kościele Wniebowzięcia (de l'Assomption). Paris, 1861, съ портрет.
57) *Kajsiewicz, Hieron.* Mowa pogrzebowa po św. p. Adamie Jerzym księciu Czartoryskim, byłym półkowniku wojsk Polskich, byłym ministrze spraw zagranicznych cesarstwa Rossyjskiego, byłym kuratorze szkół okręgu Wileńskiego, byłym naczelniku rządu narodowego etc. etc., zmarłym na wygnaniu d. 15 lipca 1861 r., powiedziana 15 stycznia 1862 r. w Paryżu. Poznań, 1862, стр. 32.
58) Instrukcya dla honorowych szkół dozorców, ustanowionych ukazem Naywyższym dn. 26 sierpn. 1811 r. Druk. Glücksberga, Warsz., in fol.
59) Lettre aux Polonais. Paris, 16 août 1854. In 8°.
60) Lettre du prince A. Cz. à lord Dudley-Stuart, membre de Parlament, à l'occasion du dîner à Londres par la Société des amis de la Pologne. Paris, le 24 mars 1854.
61) Тоже по-Англiйски: Lettre of the Prince etc. etc.
62) Mowa księcia Ad. Cz., miana na posiedzeniu dorocznem Towarzystwa historyczno-literackiego w dniu 29 listopada 1854 r. w Paryżu.
63) Mowa jo..... marszałka sejmu, miana na pierwszej sessyi dnia 26 czerwca r. 1812 w Senacie. На оборотѣ: Tegoż mowa w Izbie poselskiej, miana dn. 26 czerwca 1812.
64) Mowa xięcia kuratora Imperatorskiego Wileńskiego uniwersytetu i szkół jego wydziału po skończonych w gimnazyum Wołyńskiem popisach publicznych, przy rozdaniu medalów uczniom celującym, miana w Krzemieńcu dn. 30 czerwca 1818 roku (druk. nazajutrz w typogr. w Krzemieńcu).
65) [Niektóre myśli co do biegu służby publicznej w emigracyi.] Odezwa dd. Montfermeil 14 lipca 1861. Paris.

